

М. Хаймеран

О религии маленького ребенка О религиозном воспитании малыша

С о д е р ж а н и е

[Предисловие к первому изданию](#)

[Предисловие к третьему изданию](#)

[Природные предпосылки](#)

["Что важно - но важнее как"](#)

[О крещении как истоке](#)

["Странствующая детская церковь"](#)

[Кое что о праздниках](#)

[Из богатства рождественских обычаев](#)

[О пасхе и других христианских праздниках](#)

[Советы по поводу воспитания воспитателя](#)

[О мире становления](#)

[Дополнения](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Человечество стоит перед решающим для его судеб поворотом. Это относится и к области религиозного воспитания. До сих пор в первые детские годы оно с исключительной надежностью осуществлялось по большей части на основе ясновидения материнского сердца. Этот священный мир необходимо всячески оберегать. Однако там, где его силы перед лицом современности оказываются недостаточными, его должны будут дополнить, а зачастую даже и заменить более сознательные методы. Эта книжечка призвана дать соответствующие импульсы, пытаюсь указать, в смысле Гете, на многообразии возможностей вычитать из жизни и познать прасобытие. Опираясь на проникновенное понимание духовного прообраза человеческого существа, начальное религиозное образование может стать более определенным и более действенным.

Эта работа могла бы оказаться полезной прежде всего для тех, кто вступает в жизнь в эти решающие годы.

Михаэли, 1939

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

События возникают, обсуждаются, становятся привычными для сознания, затем исчезают. Кто позволяет им определять свое мнение, будет захвачен и убежден следующим событием. Многие из выдаваемых на публику сенсационных и как раз потому несущественных сообщений со временем теряют свою значимость; часто они опровергаются самой жизнью. Уже по самой своей сущности они могут и устареть.

Иначе дело обстоит с жизненным опытом, который, пройдя через духовное познание, становится переживанием истины. То, что ребенку нужно дать правильный религиозный настрой как своего рода теплую оболочку для его жизни, чтобы со временем он смог сориентироваться в земном мире, и есть как раз такой жизненный опыт, который подтверждается во всякое время. Рассматриваемые поверхностно события и выводимые на их основе теории, на какую бы идею они ни были нацелены, могут быть направлены против религиозных ценностей; в сущности, однако, речь идет о христианском и внутренне связанном с ним здоровом формировании жизни отдельного человека. От того, какими станут отдельные люди, зависит, ждет ли человечество достойное будущее, или

оно деградирует и будет ввергнуто в хаос. Нынешним детям со временем придется взять на себя решение основных задач в тех духовных битвах, которые начинаются уже в наше время. Для этого у них должны быть предпосылки, которые необходимо сформулировать и сообщить им. Справляемся ли мы, взрослые, с теми требованиями, которые предъявляют вверенные нам дети? Не обстоит ли дело так, как пишет Хельмут фон Кюгельген в отдельном номере журнала "Искусство воспитания" о ребенке в возрасте до семи лет: "Мало что столь настойчиво взывает к сознанию современника - особенно если он научно образован и чувствует себя на высоте требований своего времени, - как тот факт, что среди нас существуют маленькие дети. Невозможно не слышать их немой вопрос, обращенный к совести человечества: как вы организуете мир, как обустроиваете детскую комнату, площадку для игр, где мы готовимся к человеческой жизни и к жизни в том "обществе", которое вы делаете мерой всех вещей?"

Невозможно отрицать те перемены, которые претерпевает совместная жизнь взрослых людей, когда в их жизнь вступает дитя, появляясь на свет. Для них это поистине вызов, который опрокидывает их жизненные привычки, дает начало новой ответственности, открывает новые сферы интересов. Тот же, кто хочет уклониться от требований, которые ставит перед ним безграничная доверчивость ребенка, и по давню изменяется - как не выдержавший возложенного на него испытания...

В духовном мире действует закон, по которому всякий отклоненный вызов, всякое невыдержанное испытание становится препятствием на пути развития человека или даже причиной его духовной деградации.

Мы выполняем предъявленные нам требования лишь в том случае, если бескорыстно склоняемся перед властью Духа и отказываемся от духа власти, если мы сами стараемся вести более чистый и воздержанный образ жизни. Отказ от моральных ценностей, идущий рука об руку с враждой против Духа, никогда в истории не был ничем другим, как признаком упадка. Индивидуальной свободы мы достигаем лишь благодаря мастерству, а к нему ведет только правильное воспитание. Ребенок требует от нас мастерства в жизни, не допуская никакой сентиментальности и никаких отговорок. Ребенок нуждается в мире, который добр - добр настолько, насколько мы, в меру нашего сознания ответственности и исходя из нашего умения и знаний, можем его таким устроить"*.

* Ежемесячный журнал педагогики Рудольфа Штейнера. Издательство "Свободная духовная жизнь", Штутгарт.

То, что Марта Хаймеран написала ровно три десятилетия тому назад о религиозном воспитании маленького ребенка, не только сохранило свою актуальность вплоть до нашего времени, но, скорее, по необходимости заполняет тот пробел, который грозит еще расшириться по причине интеллектуализации человеческого мировосприятия. Конечно, за тридцать лет в мире кое-что изменилось: например, чувство языка. В результате оказалась необходимой некоторая переработка книги для нового издания, которая, однако, ни в коей мере не затронула ее содержания. В этой переработке принимал участие Михаэль Хайденрайх.

*Издательство
Сентябрь 1970*

ПРИРОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

К самым замечательным и в то же время трогательным сценам Нового Завета принадлежит встреча Иисуса Христа с детьми. Все Евангелия единодушно упоминают о том, что к Христу приносили малышей. Лука называет их "младенцами", а Марк говорит еще, что их приносили. Сдержанность, с которой изображена эта сцена, не может нарушить ее внутренней убедительности. Напротив, она только усиливает ее своеобразие. Два мира смотрят друг на друга: малыши, еще не ощущающие тяжести земной жизни, и Христос, который переживает и преодолевает все земные тяготы; дети, словно растения, пронизанные теплым солнечным сиянием, и Христос, преисполненный чистейшим

духовным светом. В предлагаемой работе речь идет о маленьких детях. При этом может показаться странным указание на связь между ребенком и религией. Мы, однако, поймем, что эта связь, вследствие своей тонкой природы часто для нас неуловимая, тем не менее существует как нечто само собой разумеющееся. Основы же для понимания, защиты и поощрения детского религиозного опыта даны в естественном процессе включения ребенка в мир.

Мы, как это принято, будем считать ранним детством время от рождения до смены зубов, охватывающее первое семилетие жизни. Из обоих событий, которые ограничивают этот отрезок времени снизу и сверху, больше обращает на себя внимание, несомненно, первое. Было бы, однако, неверно фиксировать взгляд только на рождении или зачатии и при этом упустить из поля зрения смену зубов, которая, так же как половое созревание, совершеннолетие и т.д., представляет собой важный узловой пункт в жизни человека. На самом деле оба момента - рождение и смена зубов - при всем их несходстве суть врата, через которые проходит, преобразуясь, человеческая душа. Дух и душа человека находятся как бы в длительном путешествии из небесных областей на землю. Этот путь начинается задолго до того, как проявиться в физическом мире, например, в том, как заключают браки бабушки и дедушки, родители. Рождение еще отнюдь не означает, что воплотившаяся индивидуальность уже достигла своей цели. С него, скорее, только начинается нисхождение на землю, продолжающееся дальше всю жизнь вплоть до могилы. Дух и душа свое земное тело все больше постигают*.

* Подробнее об этом см. в лекции Р. Штейнера "Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки" (Дорнах, 1978) и в книге Рудольфа Майера "Ребенок" (Штутгарт, 1974).

Процесс рождения является для людей весьма значительным событием. До этого формирующееся тельце упрятано в материнском лоне, округло согнутое, как зодиакальный круг на небе, который отражается, в частности, в удивительном строении человеческого тела. Многим знакомы двенадцать знаков Зодиака, распределенные по двенадцати месяцам. Посвященные прежних эпох еще знали, как эти знаки соотносятся с различными частями физического тела. Так, лоб они связывали с созвездием Овна, ступни - с созвездием Рыб. Человеческое тело "с головы до ног" воспроизводит весь круг знаков Зодиака от Овна до Рыб. При их соприкосновении замыкается круг, который потом, при рождении, размыкается. Тело выпрямляется постепенно: стремление свернуться в кольцо еще проявляется в прижатых поначалу к телу ручках и ножках. И в беспорядочных движениях конечностей можно видеть колебания между окружностью и прямой, т. е. высвобождение человеческого существа из космических взаимосвязей и его вхождение в земные отношения. С приближением родов в нормальном случае головка ребенка обращена вниз, как бы указывая тем самым на свою цель - землю. После рождения тело лежит горизонтально, и теперь уже ребенок может глядеть вверх. Когда же он через некоторое время начинает поднимать головку, то свидетельствует тем самым, что отныне цель его жизни находится наверху. Упомянем еще один решающий перелом, который имеет место при рождении: у ребенка вступает в действие собственное кровообращение. В то время как свернутое в космическое кольцо тело размыкается, круг собственного кровообращения замыкается, и тем самым закладываются основы самостоятельной жизни. Теперь маленькое тельце должно само производить тепло, которое до сих пор дарила ему мать. Человек начинает дышать, вступая тем самым в важнейший для него взаимообмен с окружающим миром. Маленькое существо предоставлено теперь самому себе и начинает - поначалу через тело - переживать изолированность своей земной жизни.

В век научного и медицинского прогресса применение анестезии при родах кажется естественным. Во многих случаях, когда дело касается здоровья, такие меры бывают оправданными, но при этом стоит подумать о том, есть ли в них нужда при нормальном протекании родов. Заглушая боль, женщина лишает себя хотя и тяжелого, но зато единственного в своем роде, обогащающего ее опыта. Более того, тем самым она отказывается разделить со своим ребенком важнейший момент в его жизни. Не стоит с

ходу отвергать и то соображение, что в бессознательно пережитых родах иногда кроется причина последующих проблем в отношениях между матерью и ребенком.

По сравнению с физическим рождением событие, завершающее первые семь лет жизни - смена молочных зубов постоянными, - кажется менее значительным. Однако, хотя при этом видимый результат - лишь появление постоянных зубов, в это время происходят другие, не менее важные изменения, в организме ребенка, которые можно сравнить разве что с тем моментом в жизни растения, когда на нем среди обычной зелени вдруг появляются завязи будущих цветов. В бутонах заявляет о себе новый цвет, благодаря чему растение становится более своеобразным. Точно так же со сменой зубов ребенок восходит на следующую ступень в процессе становления своей личности и тем самым, зачастую как бы рывком, отходит от более бессознательного мира образов раннего детства. В этом возрасте он должен покинуть узкий семейный круг и выйти во внешний мир, в общество - в школу. Свободные, произвольные игры сменяются регулярными занятиями. Веселые, свободные движения теперь должны подчиниться определенному школьному распорядку, расписанию уроков и, наконец, самим буквам, которые здесь приходится изучать. Выражением происходящего в ребенке переворота является шатание и выпадение мягких, лишенных корней молочных зубов, которые выталкиваются более сильными вторыми. Отныне определенные силы, которые до сих пор формировали детскую телесность, закончили свою физическую деятельность, зато тем самым они освободились для внутренней работы. Первая ступень в жизни пройдена. Примерно через семь лет после появления на свет ребенок покидает круг тех, кого евангелист Лука называет "младенцами".

Время между рождением и сменой зубов, "младенческий возраст", ни в коем случае нельзя назвать однообразным. Ни в какой другой период жизни с человеком не происходит столь много решающих перемен. Сначала новорожденный лежит в своей колыбели, полностью завися от других людей. Затем, в самом истинном смысле слова, он развивается (из пеленок). Вскоре он становится пятилетним почемучкой, который всем интересуется, атакуя мать бесконечными вопросами. Как много ступеней становления между этими двумя "возрастами"! В первые семь лет ребенок в целом усваивает фактически большее, нежели в ходе дальнейшей жизни. Прежде всего он приобретает способности, которые отличают человека от других живых существ. При этом он нуждается в теплоте и в определенном "водительстве".

Имеет значение уже то, как ребенка укладывают спать. Если его постелька слишком просторна, то малыш во сне много ворочается, вместо того чтобы улечься правильно. Заботливая поддержка и прежде всего мирная, теплая атмосфера, как ничто иное, благоприятно сказывается на первых шагах процесса его воплощения. Вскоре ребенок начинает делать попытки подняться. Первой начинает подниматься голова - "самая готовая" к этому часть тела. Настойчивыми усилиями дитя завоевывает себе пространство: энергия выпрямления поднимает верхнюю часть его туловища - и вот он уже сидит. Через какое-то время ему удастся стать на ноги и совсем выпрямиться. Подобно растению, он теперь занимает положение между небом и землей. Вертикальное положение, как бы "укорененность" земного существа, есть образ его причастности обоим мирам.

С отвердением костей равновесие в вертикальном положении достигается в такой мере, что ребенок уже может осмелиться оторвать одну ножку от пола и тем самым изменить свое положение на земле. Отныне ему больше не нужно ждать, пока солнце осветит его, как вынуждены делать растения, он может сам выйти ему навстречу. Тем самым ребенок приобретает способность свободно передвигаться по земле, способность, которой обладают животные. "Что за торжествующая улыбка озаряет личико малыша, когда он впервые совершенно самостоятельно осмеливается сделать подряд несколько шагов!" (Михаэль Бауэр)

Вскоре малыш приобретает и третью способность - незаметно он начал усваивать ее уже прежде - способность пользоваться речью. Вместо неоформленных звуков, которые стихийно как у животного, изливались из его души, зреющая в нем личность начинает строить и складывать слова. Как счастлив бывает малыш, все снова и снова повторяя эти свои первые опыты словотворчества, и сколь радостный отклик находят эти усилия, предпринятые им ради становления человека, в окружающих!

В прямостоянии, ходьбе и речи человек поднимается над камнем, растением и животным, закладывая тем самым основы для решения своей собственной, человеческой задачи в земном мире. Поверхностному наблюдению маленький человек представляется самостоятельным существом уже с момента рождения. Более тонкому наблюдателю ясно, однако, что поначалу его жизненных сил еще не достаточно для самостоятельности. Если с физическим рождением материнская кровь прекращает питать тело новорожденного, то жизненные силы от матери и от окружающих все же продолжают незримо струиться, пронизывая ребенка. Его словно облекает просторная жизненная оболочка, как если бы он двигался в воде. Из этого, более просторного, нежели физическое, материнского лона он выходит только через семь лет. Тут речь идет о своего рода втором рождении, которое, за исключением смены зубов, сегодня проходит по большей части незамеченным. Посмотрим, что же предшествует этому второму рождению.

Кожа лишь до определенной степени ограничивает собою тело малыша. Она еще не представляет собой изолирующий слой, как это более или менее имеет место у взрослых, но является весьма активным органом обмена между внутренним и внешним миром - органом в широчайшем смысле этого слова. Наблюдая за маленьким ребенком, невольно дивишься той живости и легкости, с какой сменяются выражения на его личике, моментально реагирующем на все, что происходит вокруг него. Возьмите маленькую ручку в свою руку, и вы почувствуете, насколько переполнена она таинственной жизнью! Кажется, ребенок глазами и руками воспринимает какие-то невидимые силы. Вплоть до седьмого года кожа ребенка остается бархатной, подобной цветочным лепесткам и готовой впитывать в себя все происходящее вокруг. Весь малыш подобен единому органу чувств. Некое трудноописуемое, но различимое для всякого внимательного наблюдателя дуновение жизни веет над маленьким тельцем. Подобную эфирность можно ощутить еще только в пробудившейся красоте девственной природы, и прежде всего в растительном царстве. Сияние какого-то иного мира лежит на детской жизни, как солнечный свет на зеркале воды. Смотрит ли ребенок на нас сияющими глазами или светятся его тонкие волосы, его манера ставить ноги или брать что-то маленькой ручкой - все это свет, пробивающийся к нам из доземного бытия, который мы узнаем как бы в отраженном виде. "Там, где есть дети, там всегда золотой век" (Новалис). В присутствии ребенка всегда немного приоткрывается космос.

К этому общему утверждению мы хотим теперь подойти поближе через некоторые частности и попытаться прочесть их в знакомых нам, повседневных явлениях.

Часто можно услышать нетерпеливый окрик, обращенный к маленькому ребенку: "Да сиди ты тихо! Вот погоди, в школе тебя этому еще научат!" Это в самом деле первый пробный камень - в школе ему придется просидеть спокойно полчаса по крайней мере. Маленькие дети непрерывно болтают ногами, размахивают ручонками, позже любят раскачиваться на стуле. Это беспокойство можно причислить к их очевиднейшим свойствам, проявляющимся тем более, чем дети здоровее. Чем вкуснее еда, тем сильнее болтают они за едой ногами: они обнаруживают таким образом радость бытия. Ребенок садится, встает, бежит из одной комнаты в другую - он ни минуты не может побыть в покое. Волосы, только что приглаженные и причесанные, тут же снова оказываются растрепанными. Такое маленькое существо постоянно вносит в дом элемент беспокойства, так что мы, взрослые, часто ощущаем их как помеху для своего образа жизни и теряем терпение. Мы не поспеваем за этой невероятной подвижностью, тем более что шум больших городов и спешка так изматывают за день наши нервы. Однако ребенок

нуждается в таком беспрестанном движении, он движется в окружающем его пространстве, как рыба в воде. Только так он чувствует себя хорошо, ибо в этой веселой подвижности он проявляет внешне то, к чему взрослый стремится внутренне, живя в бодрствующем сознании. У ребенка голова еще спит и видит сны. Стимул к движению приходит извне и, так как конечности у него наиболее пробуждены, то и от его собственного тела. Для взрослого же, напротив, внешнее беспокойство, нервозность суть признаки того, что он живет в разладе со своими внутренними устремлениями. Именно в компромиссе между потребностями человека на различных возрастных ступенях заключается неоценимое воспитательное средство. Так, взрослые должны бы рассматривать неиссякаемую активность, направленную вовне, как существенный элемент первых семи лет жизни.

Насколько эта постоянная игра сил выражает весь образ жизни маленького ребенка вплоть до телесности, мы всегда можем видеть в том совершенно обыденном факте, что его редко удастся удовлетворительно сфотографировать. Трудно ухватить характерное, ибо фотография может зафиксировать лишь одно мгновение, в то время как здесь действительность состоит лишь из постоянных перемен. Таинственно, в непрерывном мелькании то воплощающаяся, то раз-воплощающаяся жизнь всегда пребывает на границе сверхчувствительного.

Кроме того, для этого периода жизни характерна способность радоваться мелочам. Неиспорченный четырехлетний ребенок, будучи взят на экскурсию в горы, едва ли будет восхищаться прекрасным видом, зато обнаружит у себя под ногами блестящий камушек. Кусочек серебряной фольги, шуршащий лист газеты, пестрая пуговка, осколок синего стекла, косточка от персика или даже горстка земли - все это для него сокровища, достойные всяческого восхищения, и горе тому, кто захотел бы посягнуть на этот неприятный мир или устранить его как нечто якобы излишнее. Надутое, разочарованное личико или громкий плач предьявят вам тогда серьезный упрек "Мне это нужно".

В этом умении радоваться мелочам, которое мы, взрослые, не понимаем, заключено сразу то и другое: в поднятом с земли красном камушке ребенок действительно переживает всю землю. Ничего, что камушек невзрачный и грязный, зато он красный, и он представляет собой кусочек земной материи. В обломке, который сам по себе не имеет никакой "цены", заключен целый мир, так как сам ребенок еще не отделен от целого. Лишь позже он приобщается к великому человеческому опыту: "Это земля, а это я, и я могу взять землю руками!" В виде крошечного камушка ребенок держит в своей маленькой ручке всю красочную, многообразную Землю, и в нем просыпается едва ощутимое предчувствие: между человеком и землей существует взаимосвязь.

Восторженное хватание разных мелочей столь же характерно для раннего детства, как и неисчерпаемая фантазия. Однако оба эти качества являются формами выражения все той же вышеупомянутой подвижности. Фантазия как бы затмевает остальные признаки этого возраста, как сангвинический темперамент в этом семилетии окрашивает в свои цвета все другие темпераменты. Маленький меланхолик, холерик или флегматик, если он здоров, всегда в определенной степени скрывает в себе сангвиника.

Со своей удивительной и часто восхитительной фантазией маленький ребенок в простейших вещах может пережить, собственно, все. Так, например, ребенок восклицает в веселом задоре: "Кто меня поймает, тот приклеится!" Тема задана. Начинается игра в золотого гуся (по сказке братьев Гримм).

Или на землю кладется пара палок, в один угол бросается плащ, посередине ставится стул. Пароход отправляется, капитан стоит на своем мостике, пассажир лежит на койке, кочегар подбрасывает в топку уголь. Чем меньше вещей нужно для игры, тем больше простора для фантазии. Взрослый может увидеть в примитивной кукле всего-навсего чулок, из которого она сделана, для ребенка же она - любимая наперсница его игр. Пусть даже у нее нет глаз или ног - это неважно. "Дети в игре из всего могут что-то сделать."

Палка становится ружьем, деревяшка - шпагой, каждый сверточек - куклой, и каждый угол - шалашом" (Гёте). Этот дар сохраняется у ребенка (хотя благодаря развитию других качеств он постепенно отступает на второй план) самое малое до седьмого года, если мы не разрушим его неловкостью и поучениями. Простой деревянный чурбан для малыша может превратиться в слона или в часы, опрокинутый стол - в повозку, а кровать - в животное для верховой езды или в самолет. Для правильно играющего ребенка фантазия и истина суть одно. И если перечеркнуть всю их подлинность и действительность, то позже это может привести к душевной неустойчивости и физическим болезням. Быстрая смена образов, непосредственно переводящая из одной жизненной ситуации в другую и сопровождающаяся такой серьезностью и убежденностью, характерна лишь для малышей. Зачастую только вместе с ребенком мы можем узнать, как богат мир, насколько он мудр и прекрасен. И тогда мы поймем, что ребенок не может быть бедным. "Бедных" детей вообще не бывает, если взрослые не делают их такими, ибо детская фантазия и умение радоваться невзрачному - неисчерпаемый клад.

Ребенок может "обеднеть" лишь в том случае, если его заваливают избытком недетских подарков или эгоистических планов, которые взрослые навязывают ему, преследуя собственные цели. Мы можем сплошь и рядом видеть, что так называемые богатые дети, которые "все имеют", в сущности, бывают самыми бедными, ибо они вряд ли бывают в состоянии обратить всю свою любовь и энергию на какую-нибудь куклу, которая сделана, может быть, всего-навсего из свернутого лоскутка или деревяшки, которая лежала, никем не замеченная, в темном углу. Подобные игрушки не причиняют ущерба творческим силам ребенка, они даже вызывают их к жизни разными мелочами, ими малыш с легкостью творит вокруг себя все новые, невиданные миры. Образы сказок, еще красочнее переливающиеся светом благодаря фантазии, имеют поэтому особую притягательную силу.

Четвертой отличительной особенностью этих первых лет жизни является стремление к подражанию. Если бы мы не поддавались искушению свысока иронизировать над детскими забавами, то могли бы порой сделать для себя весьма неприятные открытия, видя, как легко разоблачает нас поведение ребенка. "Как они откашливаются и сплевывают, это ведь они благополучно переняли у вас" - этими словами Шиллер указал на важную сторону детского характера. В ребенке этот дар есть явление естественное. Все, что он видит вокруг себя, является для него полным смысла жестом. Старший брат режет хлеб, с силой кромсая его. Вскоре после этого младший брат, ни о чем не спрашивая, делает то же самое. Отец, чтобы отдохнуть, запирается у себя в комнате, тетя запивает еду водой. Все это, само собой, тотчас воспроизводится ребенком. Затянуть галстук, "как мужчины", - дело чести для малыша. Девочка тоже хотела бы иметь синее платье.. "Как ты", - гласит радостное и неукоснительное желание. Ребенок подсмотрел, как работает прислуга в доме, а затем предпринимает большую стирку или уборку комнаты. Ничего страшного, если комната после этого затоплена или молоток попал по пальцу. Хуже было бы помешать этой деятельности, дрожа от страха за ребенка. У него есть тот "ангел-хранитель", о котором говорят старики, гений, который в опасной ситуации велит им, казалось бы, вслепую, наудачу, делать именно то, что надо.

Каждый наш душевный порыв оставляет в этой "утренней поре детства" свой след и пронизывает все существо ребенка. Всякое воздействие, каждый жест окружающих формирует его самым непосредственным образом, будь то жесты материнских рук, или манера почтальона подниматься по лестнице, или поведение отца при получении удручающего известия, или манеры болтливой соседки. Ребенок подобен зеркалу, в котором отражаются как свет, так и тени и все цвета. Как вода отражает деревья, горы и облака, так душа ребенка воспринимает все, что ее окружает. Чтобы значение этой существенной черты маленького ребенка стало вполне понятным, добавим еще кое-что о его тесной связи, даже родстве, с водой.

Тело маленького ребенка всегда, не считая обусловленных индивидуальностью особенностей, имеет главным образом округлые очертания.

Еще в шесть лет конечности сохраняют легкую округлость, и лишь впоследствии приобретают более жесткие, линейные формы. В природе округло-волнообразное чаще всего имеет отношение к водному элементу: незабудка, например, растущая на сухом лугу, формирует более острые лепестки, чем та, что цветет на берегу ручья. Растения с округлыми листьями содержат больше влаги, чем те, что имеют зубчатые листья. Капли округлы, округлы и волны в ручье или в море.

Ребенка роднят с водой и другие свойства. Так же, как вода, он готов воспринять любой "цвет", любой вкус, любую "форму". Благодаря такой гибкости ребенку удается (так же, как и воде) связывать между собой разные вещи или существа. Не является ли он связующим элементом и между двумя людьми, сближающимися друг с другом силой таинственного влечения и помогающими построить ему свое земное тело? Часто ребенок со свойственной ему непредубежденностью примиряет людей, которые иначе жили бы в отчужденности друг от друга. Одно его присутствие сближает людей между собой, соединяет духовный мир с земным.

Напрашивается такой пример: маленький ребенок испытывает блаженство, когда его купают, в воде он чувствует себя "в своей тарелке". Он плещется и ликует от удовольствия, играя в пруду, на море или в быстром ручейке. Вряд ли у малыша найдется более излюбленное занятие! Сюда относятся и радостное шлепанье по лужам, игра с булькающими водяными кранами, а также плескание в несравненно более прекрасных источниках и бурлящих родниках в лесу или на лугу. Бурю истинного восторга вызывают зимой кружащиеся снежинки, усыпанное сверкающими звездочками снежное покрывало, снежные чепчики на ветках деревьев и прозрачные сосульки; дети лепят снежки, сооружают снежные бабы. К водному царству относятся и непрерывно странствующие облака, в чьих формах можно обнаружить то всадника, то чье-то лицо, то огромную птицу. В их восприятии, как и созерцании таинственных волн тумана, которые, словно развевающаяся вуаль, то накрывают мир, то снова открывают его, раскрывается фантазия ребенка.

Пристрастие ребенка к воде в любой ее форме обусловлено самой природой. В этом свете "история про аиста" кажется не столь уж фантастичной, как считают многие, так как она в соответствующей детскому возрасту форме выражает самую настоящую духовную реальность. Большая белая птица являет собой образ нисходящей на землю человеческой душевной и духовной сущности; вода, из которой аист достает малыша, - сферы эфирных формирующих сил. Когда мы при случае называем маленьких детей "лягушатами", то это как бы в шутку напоминает о том, что в них - как в этих животных, - во-первых, чувствуется связь с водой и, во-вторых, что лягушка в своих разнообразных жизненных метаморфозах похожа на ребенка с его быстро сменяющимися друг друга жизненными проявлениями. Или вспомним королевича, который, по сказке братьев Гримм, будучи заколдован в мокрую маленькую лягушку, ждет избавления. Ребенка окружает водная стихия не только в ходе его духовного становления, но и во время его физического созревания в теле матери. Родство с водой сохраняется и после появления на свет, поэтому поначалу вся пища младенца жидкая; да и не так уж плохо, что ребенок в первые месяцы своей жизни то и дело оказывается в лужице. В то, что при этом он в определенной степени хорошо себя чувствует, мы вряд ли захотим поверить из гигиенических соображений, однако наблюдения подтверждают, что чем чаще меняют пеленки, тем быстрее они снова намокают.

С достижением семи лет удовольствие от общения с водой ребенок, конечно, не утрачивает, однако отныне оно уже не является столь естественным.

Перечисленные характерные особенности раннего детства связаны друг с другом и взаимно обусловлены. Они определяют все его существо в разнообразных направлениях, пока он целиком погружен в сферу животворящих сил, т.е. еще не полностью вошел в

жизнь на земле. Он живет еще в окружении четырех стихий: огонь пульсирует в его фантазии, водный элемент живет в его инстинкте подражания, знакомство с землей как твердым элементом определяет его телесность, а подвижность воздуха сквозит в его жизненных проявлениях.

Незримая, но от этого не менее реальная оболочка эфирных сил окружает ребенка в течение всего периода его нисхождения из духовного мира в земной. Космические дали и гармония небесных сфер сопровождают его на пути к земле и способствуют его правильному вживанию в здешние порядки. Лишь на седьмом году жизни покидает ребенок это расширенное материнское лоно и проходит через врата второго "рождения". Это незаметное событие наделяет его собственным жизненным телом. Отныне вступает в силу новый строй бытия. Вплоть до этого важного момента жизнь малыша есть как бы безопасная игра в обнимающем его теплом жизненном пространстве; он представляет собой нечто священное: в его существе отражается весь окружающий мир, как в Луне - свет Солнца.

ЧТО ВАЖНО - НО ВАЖНЕЕ КАК

Имеет ли смысл пытаться оказывать какое-либо религиозное влияние на детскую душу? Не будет ли подобно грубому прикосновению к нежному цветку, если мы, обремененные земными тяготами взрослые люди, захотим воспитывать в религиозном духе малыша, все существо которого еще пронизано естественной религиозностью? Многие, и притом не самые плохие, люди спрашивают сегодня об этом. Они чувствуют, как сильно всякая попытка религиозного воспитания, предпринятая до семи лет, воздействует на ребенка вплоть до телесности, тем самым определяя его будущую восприимчивость к религиозной сфере жизни. Иезуитам приписывается выражение: "Дай мне ребенка в возрасте до пяти лет, и я верну его тебе на всю оставшуюся жизнь". Значение этого возраста создала и Тереза Шрёер, владевшая искусством воспитания (XIX век). В своей книжке* она, обобщив тот опыт, который приобрела благодаря стремлению вжиться в детскую душу, говорит о том, сколь благотворными были бы для ребенка последствия, если бы мы вплоть до седьмого года воспитывали и укореняли его в жизни, поменьше вмешиваясь своим воспитанием в естественный процесс его роста. Многие родители разделяют это чувство. В результате они становятся сдержанными, предпочитая дать ребенку свободу, чтобы не допустить каких-либо непоправимых ошибок.

* Therese Shrocer "Ueber praktische Kmdererziehung" Hamburg 1867

Всякий непредвзятый наблюдатель понимает, сколь серьезное дело - воспитание ребенка в первые годы его жизни. Тот, кто хочет приобщить своего ребенка к религиозным ценностям человечества, должен начать приближать его к ним в простейших формах уже в раннем детстве, и это произойдет тем естественнее, чем основательнее мы постараемся понять те жизненные условия, в которых живут маленькие дети.

Посредством религии человек стремится вновь найти утраченную им связь с божественным миром. Но возникает правомерный вопрос может ли это быть устремлением и ребенка, который ведь еще в значительной степени остается связанным с духовным миром? Однако здесь надо учесть, что ребенок постепенно сбрасывает с себя эту охраняющую его оболочку. Когда с первым вдохом душа входит в тело ребенка, она тем самым переступает порог "дома", который находится отныне в ее распоряжении на всю земную жизнь. С точки зрения духовного мира она живет отныне как бы заключенной в футляр, крышка которого все больше и больше закрывается.

Понимание этого побудило Новалиса сказать однажды: "Где умирает дух, возникает человек. Где умирает человек, возникает дух". Медленное, неуклонное умирание начинается с самого рождения. Едва воплотившись, душа получает первый и главный урок, который может преподать ей земная жизнь: одиночество. В первые годы жизни

одиночество охватывает физическое тело, после смены зубов и полового созревания. С совершеннолетием оно охватывает и духовное начало человека. Хотя одиночество дарует нам независимость и сознание, но в конце концов, все более "сгущаясь", приводит нас к смерти.

Слова "обособленность" и "грех" имеют общий корень*. Эти понятия родственны как две стороны одной и той же действительности, они обуславливают друг друга. Грех ведет к обособленности, обособленность же опять-таки создает благоприятные условия для греха. Любой "грех", будь то неподобающая мысль или проступок, углубляет одиночество и все больше выталкивает человека из общего жизненного потока. Грех, совершенный отдельным человеком, приводит к тому, что его душа сужается, лишаясь таким образом жизненных сил. Это подтверждает ежедневный опыт, хотя на него и не всегда обращают внимание. Однако даже самый образцовый человек, пусть и абсолютно "безгрешный", не может избежать обособленности. Он никогда не сможет, подобно растению, безраздельно принадлежать миру жизненных сил.

* В немецком языке. - Ред.

Каждый человек должен претерпеть одиночество как единственный в своем роде опыт. Оно является предпосылкой развития собственной духовной жизни, и только оно делает возможным сам феномен полной человечности, но одновременно тяготеет над всем человечеством как "первородный грех". И вот этот-то относящийся к самой природе человека первородный грех берет на себя каждый новорожденный, вселяясь в земное тело. Бесвинный, он в некотором отношении уже оказывается вовлечен в вину в смутном, подсознательном переживании своей отделенности. Воплощение и вступление на путь земной человеческой судьбы проявляется, например, в том, что первый глоток воздуха, который вдыхает новорожденный младенец, выдыхается им, уже будучи "израсходованным", а его выделения уже содержат в себе отбросы. Может быть, этот "грех" стал законом природы, т. е. зависимостью от разрушительных сил, склоняющих к греху и невинную душу ребенка? Из этой склонности позднее возникает склонность к личным грехам, совершать которые маленький ребенок, конечно, еще не способен. Он может быть озорным, невоспитанным, но не злым. Часто звучащие слова "ты злой" в применении к ребенку вообще не имеют смысла*.

* Когда священнодействие приобщает к ходу богослужения всех, "кто рожден", то при этом имеются в виду и новорожденные, которые благодаря самому факту своего рождения становятся причастны к всеобщему, первородному греху.

Всякое религиозное воспитание в раннем детском возрасте может и должно быть направлено на формирование определенных положительных наклонностей в противовес унаследованным греховным наклонностям. Тем самым мы ставим перед собой высокую цель, а именно - вызвать к жизни те здоровые силы, которые создадут противовес прогрессирующей болезни греха и позже смогут успешно ей сопротивляться. Мы можем в раннем детстве заложить в душе ребенка основы для духовного здоровья, которое распространится вплоть до телесного уровня и сможет оказать решающее влияние на всю его дальнейшую жизнь. Ни один другой возраст не предоставляет для этого столь всеобъемлющих возможностей.

Задачей священника как воспитателя является как раз осознание глубочайшей ответственности в этом смысле. Намного легче руководить ребенком старшего возраста, чем малышом, еще живущим в других мирах, - ведь каждое слово и каждый жест окружающих непосредственно укрепляет или ослабляет его жизненные силы. Для начального воспитания лучше всего подходит мать, так как она связана с ребенком своего рода невидимой пуповиной. Она чувствует, что для ребенка хорошо и что плохо, что называется, нутром и поступает верно, руководствуясь материнским "инстинктом". Воспитательнице в детском саду, которая должна заменить ребенку мать, без естественной помощи, которую предоставляет связь с ребенком через жизненные силы, это дается труднее. Поэтому для такой ответственной профессии может подойти лишь самоотверженный человек.

Кому бы ни было доверено религиозное воспитание "очаровательных новичков", он должен ясно осознавать, с какой легкостью они поддаются влиянию. Любая интонация, любой оттенок действия оставляют отпечаток на бессознательной формообразующей работе, которая происходит в детском организме между рождением и сменой зубов. Пока ребенок не "забит" извне, а то и изнутри (а это было бы намного хуже), он проявляет необыкновенную восприимчивость ко всем воздействиям как чувственного, так и прежде всего духовно-душевного рода.

Самое важное, что нам надо делать, это не выдумывать, не проводить внешние мероприятия, а, скорее, создавать обстановку, в которой детская душа могла бы в истинном смысле слова дышать. "Постоянно купайте ребенка в стихии чистой радости!" (Тереза Шрёер) Иначе говоря ребенок ищет любви, он нуждается в ней и несет ее сам. Живут ли в родители в любви или в ненависти - это вскоре скажется на ребенке вплоть до физиологии. Атмосфера, господствующая в его ближайшем окружении, решительно определяет его волю к жизни в более позднем возрасте. Родительский дом почти так же определяет нашу судьбу, как и тело, которое мы носим. Благополучие или бедность отчего крова, его духовная щедрость или узость, светлое или мрачное настроение, умиротворенная тишина или суетность и нервозность сопровождают человека, помогая или мешая ему всю жизнь. Если атмосфера в доме, где растет ребенок, живая во всех своих проявлениях, ребенок будет расти здоровым, и его благополучие будет зависеть от этого куда больше, нежели от хорошего питания.

Так, прежде всего надо принять всерьез тот факт, что ребенок безраздельно дарит себя окружающему миру. Он подобен единому органу чувств, воспринимающему с искренним религиозным пылом все, чем живут его родители и воспитатели. Он формирует себя из этого материала вплоть до тончайших органических тканей и самоотверженно впитывает в себя любой жест. Умение малыша радоваться пустякам, его живая изобретательность могут стать источником неисчерпаемой радости как для ребенка, так и для нас самих, если только мы принесем в общение с ним необходимое терпение и внимание.

Конечно, в жизни родителей всегда есть нечто, чему ребенок еще не может подражать, - например, посещение воскресной службы. Однако это формирует в нем определенное направление запросов. Он гораздо охотнее складывает ручки для молитвы, если видит - и притом не просто глазами, - как отец и мать берутся за руки для духовного общения во время молитвы. Состояние духа и связанное с ним поведение взрослого во время молитвы имеет гораздо большее значение для ребенка, нежели слова, которые тот произносит. Как внешние, так и внутренние душевные жесты полностью воспринимаются и усваиваются им. Очень важно, например, как отец или мать приветствуют по утрам солнце, как берут в руку спелый плод, как умолкают, глядя на звезды. Главное при этом - что ты сам за человек, ибо все твоё восприятие отражается на малыше. От этой мысли порой может стать и жутко. Однако нам остается то утешение, что здесь в счет идут не только наши фактические достижения в этой области, но и все затраченные нами усилия.

Там, где взрослые не дают на ребенка и не ищут в занятиях с ним удовольствия, ребенок всегда сам позаботится о необходимой для него подвижности и разнообразии занятий. Дети неохотно проводят время с теми, кто склонен к скуке и вялости. Живая деятельность, соответствующая данной ситуации, - вот все, что должны давать ребенку родители и воспитатели. Теории и методики мало помогут там, где речь идет о самой жизни. Малыши любят нас, если мы ведем себя с ними как художники, каждый раз создающие новые произведения искусства из реалий момента, и как изобретатели, всегда полные свежих идей.

Так, даже ежедневное одевание и кормление могут служить для ребенка источником все новых радостей и открытий. Не забавно ли наблюдать, как дети натягивают чулки не на ту ногу или надевают платья шиворот-навыворот? Злейший враг всей этой возни - спешка. Она портит все, что должно делаться играючи, как бы покачиваясь на

ритмических волнах. Спешка разрывает тончайшую жизненную ткань, в которой ребенок чувствует себя благополучно.

Кроме того, на состояние ребенка благоприятно действует выдержанный в определенном ритме распорядок дня, ибо он помогает ввести неустанную подвижность ребенка в здоровые рамки. Наивысшее же удовольствие всем детям доставляют ритмические песенки и игры, всевозможное хлопанье и топанье. Уже регулярный прием пищи и строго установленное время для сна благотворно действует на физический организм ребенка. Его душевно-духовное существо, которое пока еще неотделимо от тела, питается и укрепляется одновременно с телесным. Ежедневные ритмически организованные занятия укрепляют здоровье, ибо и в природе все живое проявляется в ритмических повторениях, без которых невозможно никакое развитие.

Где же во всех этих общих рассуждениях собственно религиозный момент? Как могут эти рекомендации способствовать формированию того, что мы называли благими наклонностями? Выражение Гете: "Что важно - но важнее как" - ни к чему не относится в такой степени, как к начальному воспитанию, которое в своей основе не что иное, как религиозное водительство, если понимать это слово в достаточно широком смысле. А оно подразумевает все, что мы до сих пор рассматривали, и все это может стать основой благих наклонностей благодаря воспитателю, если он правильно понял это как. Собственно религиозная практика представляет собой лишь один фрагмент общего процесса воспитания.

Хотелось бы показать, что и в сфере так называемого морального воспитания религиозная атмосфера является решающим фактором. Если основные моральные ценности вложены в сознание ребенка в раннем возрасте, то нравственное отношение к окружающему миру станет для него само собой разумеющейся потребностью. Но коль скоро это не произошло, то позже человек лишь с большим трудом сможет найти свое место в обществе. Если мы хотим, чтобы мораль глубоко укоренилась в ребенке, ни в коем случае не следует добиваться этого посредством проповедей, ибо она должна, по словам Михаэля Бауэра, "стать привычкой, которая настолько прочно срослась с человеком, как ладонь - с рукой, причем от трудной работы ладонь, скорее, укрепится, чем сотрется. Вот тогда она действительно станет его достоянием".

Например, очень важно дать ребенку понять разницу между "моим" и "твоим". Легче или труднее дастся эта задача ребенку, зависит, конечно, и от его пробуждающейся индивидуальности. Здесь мы ограничимся лишь тем, что присуще всем детям. Понятие "мое" и "твое" поначалу совершенно чужды малышу: он должен сперва научиться различать их, хотя ему и кажется, что все одинаково принадлежит ему, он должен научиться и отдавать, несмотря на то что "брать" - не обязательно с упором на "мое" - для него естественно благодаря общему характеру его жизнеощущения. Именно в этом причина того, что иногда у детей возникают трудности со "спасибо", тогда как "пожалуйста", как правило, им дается легче. Подобно тому как в материнском чреве тело ребенка строится из окружающих его там сил и веществ, так и сам он в течение первых семи лет жизни выплавливает для себя силы из окружающего мира. Отсюда естественная склонность брать, которая свойственна ему от природы. Это надо иметь в виду, постепенно и терпеливо вводя в сознание ребенка представление о собственности. Обращая внимание ребенка на то, как много благ дарит ему окружающий мир (например, сочные плоды, чистую воду), в нем легко пробудить чувство благодарности. Оно может быть заложено именно в телесно-религиозное ощущение первых семи лет, и тогда будет развиваться дальше. Если все поведение и речь ребенка будут пронизаны искренним чувством благодарности, то это окажет благотворное влияние на все его развитие. Связанная с чувством благоговения, благодарность станет составной частью истинной религиозности.

Часто родителей пугает неустанное желание все отрицать, одолевающее детей начиная со второго или третьего года жизни. Они усматривают в этом упрямство, которое

непрерывно и любимыми средствами должно быть сломлено. Чтобы указать маленькому отрицателю правильный путь, надо подумать о том, что, говоря "нет", ребенок отталкивается от окружающего мира и таким образом начинает ощущать свое Я. Понимание этого более всего способно дать нам необходимое терпение, благодаря которому мы в считанные мгновения сможем обуздать ребенка, вместо того чтобы доводить его до судорог.

"Ложь" в этом возрасте еще принадлежит к тем шалостям, которые не стоит воспринимать трагически, ибо в здоровом окружении они со временем исчезают сами собой. Тереза Шрёер снова дает совет: "Мать должна остерегаться скоропалительно обвинять ребенка во лжи. Пусть она как можно дольше воспринимает ее как недоразумение, чтобы дать ребенку время на размышление и признание". Эта житейская мудрость еще более оправдана для более позднего возраста, но относится и к малышам. Постоянные увещания и одергивания останутся бессильны и, скорее, возбудят ребенка. Вместо того чтобы зря тратить нервы и настаивать на выполнении мелочей, надо создавать вокруг ребенка светлую, теплую атмосферу, которая сама изгладит возникшие нелады. И лишь в самых крайних случаях ложь может стать поводом для неумолимого наказания.

Всякая мораль, которой вы учите малыша, нуждается в религиозной основе. Если сам воспитатель не проникнут религиозным настроением, его назидания останутся лишь злобной бранью. Если ваши проповеди морали содержат в себе хотя бы только намек на то, что они - единственный источник блаженства, а не предварительная ступень, ведущая к духовному познанию, то лучше воздержаться от такого влияния и позволить ребенку расти необузданным. Ибо как раз враждебным жизни становится моральное воспитание, если опирается на почву самой морали, а не на более обширное поле религиозности, которая непременно должна охватывать весь мир природы и духа, иначе мораль принижает человека и стесняет его. Широта, свойственная религии, уменьшает тяжесть, которую часто несут в себе нравственные наставления. Делая высказывания на темы морали, надо сразу же давать понять, что они, в сущности, сами собой разумеются. Это будет легко доступно малышам, ибо бессознательно они оценивают мир совершенно морально. Для них мораль подобна закону природы, равнозначному почве, на которую они только и могут опираться.

Занимаясь таким образом вопросами морали, вы создадите предпосылки для начального религиозного воспитания, которое должно заложить в душе ребенка основу для благих наклонностей.

О КРЕЩЕНИИ КАК ИСТОКЕ

Христианское воспитание маленького ребенка способно сделать его более жизнеспособным, если оно исходит из правильно принятого крещения. Такое крещение может воодушевить воспитателя и прояснить ему его задачи.

Крещение - это приветствие новому гражданину Земли от Того, Кто есть Господин солнечных сил на Земле. Христос, или "новый Адам", как именует его апостол Павел, приходит к тому, кто намеревается облачиться в земное тело, или в "ветхого Адама". С рождением человеческая душа окунается в природное царство, а крещение вводит ее в жизненный процесс, протекающий в рамках связанного со смертью земного бытия. Даже родительская любовь не может уберечь дитя от того, чтобы оно, будучи телесным существом, не погрузилось в духовную тьму. Крещение же излучает свет, пронизывающий его до глубины. В то время как через замкнутость собственного тела он впервые познает обособленное бытие, крещение закладывает в те же подсознательные глубины его существа доверие и стремление к общности со всей Землей. С ним в первое предчувствие смерти, связанное с воплощением, проникает тепло, не подверженное умиранию. В этом состоит цель всякого христианского крещения. Здесь мы будем

говорить о крещении, как оно практикуется в христианских общинах с точки зрения религиозного воспитания.

Христос благословляет дитя в крещении в трех направлениях: снова устанавливает связь с миром над ним, он помещает его в несущую основу мира рядом с ним и, посредством прикосновения освященными субстанциями, зарождает доверие к миру под ним. Тем самым ребенок вводится в духовную атмосферу Земли и обретает в ней свое место.

Следствием этого священнодействия станет то, что позже личности будет легче очистить свою душу посредством мышления, любящим сердцем воспринять окружающих и энергичной деятельностью выразить им свою преданность.

Тот, кто испытал благодать крещения, чувствует себя в жизни иначе. Сколь пристрастно спрашивали люди в прежние времена: "А он крещеный?!" Они были убеждены в действенности этого ритуала.

Имя ребенка воспринимается свыше, из духовного мира. Бывает, что новый гражданин Земли получает имя еще до крещения, однако лучше все-таки подождать с этим до самого таинства; во всяком случае, впервые полное имя торжественно провозглашается в присутствии общины христиан. Произнося его вслух, священник обращается непосредственно к высшей сущности человека. Будущих матерей упрекают в том, что они постоянно спрашивают у всех, каким именем лучше всего назвать дитя. Это может быть простым любопытством, но также и оправданным желанием найти для столь значительного события соответствующее имя. Всякое познание заключается, в сущности, в нахождении скрытого имени.

Выбор имени для ребенка должен быть обдуманным. Как будет звучать имя: по-деловому? нежно? строго? Это имеет немаловажное значение, ибо имя призывает ребенка осознать самого себя. По этой же причине нельзя без нужды сокращать имена. Р. Штейнер советовал как можно скорее переходить от ласкательных имен и прозвищ к полному имени, иначе позже у ребенка могут возникнуть трудности с чувством собственного достоинства.

Если родители, выбирая имя для ребенка, стараются чутко прислушиваться к его индивидуальности, то найденное имя станет отражением имени, "записанного на Небесах". Такое истинное имя сопровождает человека через всю жизнь, как путеводная звезда. В трудные моменты оно поможет ему в полной мере сохранить присутствие духа и человеческое достоинство.

Крестные родители являются для крестника его ближними в самом христианском смысле. Отчетливее всего это проявляется в том факте, что новорожденное дитя не связано с ними узами кровного родства. Но во всяком случае проявляющаяся здесь свобода воли становится основанием для установления этой единственной в своем роде связи с еще не освободившейся от пелен человеческой душой. Только жертвенная сила сердца созидает союз между "стражами" (крестными) и крестником, формируется свободная от судьбы человеческая связь, еще более прочная, чем так называемое "родство по выбору" (брак), ибо она не обусловлена даже никакой особой симпатией.

Искренне участие крестных в судьбе ребенка и данный ими обет душою следовать за крестником всю жизнь могут сильно повлиять на его развитие. Подарки, которые крестные дарят своему крестнику и которые, несомненно, приносят ему немалую радость, должны быть лишь возможным дополнением к главному. Крещение дарует ребенку в придачу к его телесным родителям еще и духовных родителей, которые, соответственно, могут быть и двумя мужчинами и двумя женщинами. В подобной духовной связи может заключаться зародыш новых отношений между людьми. В то время как родители заботятся о ребенке, исходя из естественной связи с ним, крестные заботятся о нем, исходя исключительно из жертвенной силы своей души, в предельно свободном человеческом отношении.

В ходе развития человечества кровные связи между людьми все больше слабеют. Они будут все больше преобразовываться в истинно духовные связи, и основа для них должна быть создана уже в самом раннем возрасте. Тогда из отношений ребенка с родителями со временем вырастет прочная дружба одного Я с другим Я, т.е. личности с личностью.

Из той части мира, что под нами, ребенку в субстанциях воды, соли и пепла открывается Земля. В царстве субстанций (материи) они представляют собой отпечатки деятельности Отца, Сына и Духа. Если мы только кропим маленькое тельце водой, то мы еще не крестим полностью во Имя Троицы. Хотя Сын и присутствует тогда в самом действии, но зато Отец и Дух остаются лишь в слове, что, собственно, и происходит в иных церквях.

Легко понять, что из всех элементов именно вода представляет собой образ человеческой души. Это видел Гёте:

Душа человека
С водою роднится,
Что с неба нисходит
И в небо стремится,
Чтоб снова на Землю
Дождем пролиться -
Всегда в превращении.

Вода капает с неба дождем, проливается на землю, впитывается ею, потом снова поднимается в виде пара и образует облака. Вода с ее самоотверженностью - постоянный посредник.

Через руки Иоанна Крестителя, который, подобно воде, излил свою жизнь в бескорыстной жертве, вода была возвышена для особого служения. Она - связующий элемент между небом и землей, элемент, в котором нуждался Христос для того, чтобы низойти в тело Иисуса. Не была ли пронизывающая все вода достойнейшим вестником, которого Земля послала навстречу Тому, Кто мог подать "воду жизни"?

Не трудно усмотреть в воде отражение творческой деятельности Христа в наше время. Для понимания соли и пепла как выражения деятельности Бога-Отца и Бога-Духа нам еще не хватает понятий. Соль уводит нас в прошлое. Она есть выражение и продукт воли в ее стремлении к сгущению, к кристаллизации. В ней выражался какая-то сторона самого сотворения Земли. Самая древняя и самая сформировавшаяся часть земной материи - минералы. В виде соли они возвышаются до того, что становятся нашей пищей. Сохраняющая, консервирующая сила соли обнаруживается в различных ситуациях. В крещении соль есть выражение деятельности Бога-Отца.

Противоположный полюс воплощен в пепле. Он указывает в будущее. В порошкообразном пепле возникшее и оформленное разрушены огнем и тем самым погашены. В его сером цвете погасли и все краски. Его легкость свидетельствует о пустоте, об освободившемся месте, в котором расплылась какая-то частичка земли. Вместо оформленной части мира, например ствола дерева, мы видим хаос, но одновременно и начало нового мира.

Легенда о птице Феникс говорит нам о том, что она, сгорев вместе со своим гнездом, всякий раз восстает из пепла более молодой и прекрасной. Старый Иерусалим разрушен, новый Иерусалим должен быть построен из субстанции Святого Духа. К этим трем элементам в ритуале крещения обращаются не как к "обычным" субстанциям. Они познаются и утверждаются в их высоком отношении к тройственной сущности Бога, тем самым становясь освященными субстанциями.

Если мы хотим понять, что значит освящать, то можем поразмышлять вместе с Шиллером о том, что человек разрушает мир: "Мир совершенен повсюду, куда не ступает человек со своими пытками". Повреждения, нанесенные человеком, должны быть возмещены, и "освящение" представляет собой процесс, который восстанавливает

изначальное состояние мира. Эта деятельность - освящение - возможна для человека силой Христа. Вода, соль и пепел представляют собой пронизанную светом Христа Землю; теперь они уже не просто вещества, но носители высочайших божественных намерений.

Освященная земля в крещении подносится к нежному детскому телу. То, что жесткому телу взрослого человека уже недоступно, может произойти с младенцем. Извне, через тело, ребенок "убеждается" в присутствии Божьего мира. Для дальнейшего развития ребенка будет благом, что в начале его жизненного пути это божественное событие было запечатлено на его теле. Земное тело будет меньше затвердевать и больше соответствовать духовным устремлениям.

Крещение - это духовное событие, которое не надо путать или равнять с "приемом в церковь". Крещение в общине христиан внешне оставляет ребенка абсолютно независимым и свободным. Но помимо этого крещение можно рассматривать как семя, способное прорасти в ходе начального религиозного воспитания, стремясь пустить ростки в трех направлениях. Наречение имени может вырасти в неустанный поиск Божественного Духа во всем, что нас окружает, в потребность повсюду искать Божественное Имя. Чем больше ребенок с малых лет учится с благоговейным удивлением взирать на откровение Божественного и изучать Его имя, тем глубже сможет он позже постичь собственное имя.

Кого в детстве сопровождали любящие мысли и пожелания крестных родителей, тому будет легче влиться в человеческое общество, когда он повзрослеет. Должность "стража" призвана все вновь обращать наше внимание на ту роль, какую взрослый играет по отношению к ребенку. Она призывает нас подумать о том, что ребенок прежде всего воспринимает духовно-душевные силы, которыми располагает взрослый и которые у ребенка необходимо охранять и развивать. Поэтому весьма важным дополнением к раннему воспитанию ребенка должно стать тщательное самовоспитание окружающих его взрослых.

И наконец, человеческая душа, которую в крещении приветствовали священные субстанции, не так легко забудет в своих устремлениях саму Землю. Ребенок вплоть до седьмого года жизни ищет нечто вроде "телесной религии". Он хочет испытать благостный поток божественных сил в своем теле, обнаружить духовные истины в земных вещах.

Учась устраивать праздники, в которых всегда есть нечто священное, мы продолжаем развивать то, чему было положено начало в ритуале крещения водой, солью и пеплом. Если взрослые достаточно интенсивно переживают в духе Землю, то и ребенок сможет сделать это наилучшим образом.

Об этих трех потоках устремлений, вырастающих из крещения, мы поговорим в следующих главах, ибо крещение освещает весь процесс религиозного воспитания ребенка.

"СТРАНСТВУЮЩАЯ ДЕТСКАЯ ЦЕРКОВЬ"

Взрослый человек живет в своем теле как в доме - хотя иногда может и выходить из него. Отправляясь на поиски божественного мира, он должен обратиться к своей душе и прислушаться. Только там может он переживать этот мир как созидательную действительность. Ищущий может сделать в этой области удивительные наблюдения. Прежде всего он узнает, что никакое принуждение, никакое насилие, которым мы зачастую подвергаемся в земной жизни, никогда не могут преградить нам доступ в глубины нашего существа. Ключ к ним - лишь в наших собственных руках. Кто начинает положительно воспринимать свою судьбу, когда она становится гнетущей, тот учится любить ее и набирается тем самым мужества для внутреннего умирания. В то же время для него открываются тайные врата. Он обнаруживает одну уникальную способность,

которую никаким другим образом приобрести не может. Первые признаки этого феномена появляются уже тогда, когда мы ради высшего познания отрекаемся от своих излюбленных мыслей или, руководствуясь внутренним побуждением, отказываемся от своей собственности. Этот внутренний дождь в любое время дарит человеку новые жизненные силы, подобно первому переживанию пасхального утра. Там он встречает Воскресшего - Страстную Пятницу и Пасху собственной души.

Чтобы получить возможность переживать подобный внутренний опыт, человек строит для себя храмы и церкви. Тем самым он до определенной степени отгораживается от природы, чтобы, взглядевшись в себя без помех, найти Бога. Ибо для взрослых людей внешний мир напрочь лишен каких бы то ни было откровений, если произошедшее в душе рождение Бога - Сына Божьего - не откроет им однажды духовного пути. Иначе приближается к Божеству ребенок. Он ничем не отграничен от природы и чувствует себя в ней как дома, радостно отвечая на все ее проявления. Если взрослые хотят следовать за ним в этой его связанности с природой или даже предшествовать ему в этом, то они должны время от времени возвращаться в себя или приходить в церковь, к общине. Только через Бога в себе взрослый может соединиться с божественной первоосновой мира, если он руководствуется советом Того, Кто возвестил: "Никто не приходит к Отцу иначе, чем через Меня". Ребенок же еще полностью связан с этим миром Бога-Отца. Однако тело постепенно уплотняется, весь организм становится все более непроницаемым для божественных формообразующих сил, пока ребенок не вживается в свое тело окончательно, вплоть до самого скелета. Только теперь в нем создаются условия для внутреннего переживания Того, Кто преодолел смерть, Сына Божьего. Этот момент совпадает с периодом полового созревания; с половым же созреванием создаются естественные основы для конфирмации и первого причастия.

Мы можем очень многому научиться у ребенка, если после всяческих усилий понять Воскресение начнем предчувствовать, что на пороге смерти существует исполненный жизни мир. В свете этих новых, несущих Христа жизненных сил мы можем как следует оценить дарованные нам природой от века, несущие Землю и человека и, как мы видим, определяющие прежде всего семь первых лет его жизни. В природном ритме младенец чувствует себя лучше всего, поскольку в земной природе переживает остаток рая, в котором он может беспечно играть. Зарождающаяся в нас уверенность в истинности пасхального события помогает нам даже в определенной степени руководить малышом в этой удивительно богатой природной стране. Если мы организуем созерцание природы как своего рода богослужение, то малыш почувствует, что его приятие красоты земли любовно подтверждается со стороны любимых им людей. Ребенок везде и во всем без труда чувствует близость божественного начала. Его религиозные чувства возгораются и формируются независимо от места и времени, ибо его храм - все многообразие Земли. Поэтому выражение "странствующая детская церковь", обязанное своим возникновением педагогической мудрости Жан-Поля, весьма метко характеризует сущность детской религиозности.

Строительным материалом для этой "странствующей детской церкви" может стать для ребенка все что угодно. Поэтому воспитателю только остается добавить к детскому восхищению в играх на природе "имена" вещей. Так он сможет осторожно повести ребенка через переживание всего сотворенного к человеческой задаче - разгадать скрытое во всем Божественное Слово.

Песня спит во всех вещах,
 Что пребывают в вечных грезах,
 И мир запоет,
 Как только ты найдешь волшебное слово.

Айхендорф

Пустое дело - просто восхищаться каждой вещью как "прекрасной" или "преисполненной мудрости": ведь при этом легко впасть в сентиментальность. Мы же

намерены созерцать камни и растения с благоговением и в бодрствующем сознании отправиться на поиски их истинных имен. Так мы дадим детям возможность почувствовать за их красотой и исполненным мудрости строением их божественную сущность. Такое поведение требует от воспитателя беспрерывных углубленных поисков Духа Божия.

Подобное религиозное воспитание не должно ограничиваться прогулками, во время которых можно делать все новые и новые открытия: плывущие облака, жемчужный дождь, пение и полет птицы или танец комара, тонкая травинка меж камней или развернутые к свету цветы. Этот богатый мир присутствует и в нашем доме, в солнечном луче на стене, в осе, залетевшей в комнаты в поисках меда, в картофелине забавной формы. В репке прячется прекрасная звезда, хотя та и росла в земле. Капустные листья жмутся друг к другу, словно им холодно. Смешно подпрыгивая, катятся горошины, желтый лимон так сильно благоухает, а запах свежего хлеба так восхитителен! Часто животные доступнее для детей, чем растения, не менее тех принадлежат к воспринимаемым ребенком свидетельствам божественного. Даже в наше механизированное, моторизованное время можно найти животных в домах горожан. Гладкая или взъерошенная шерсть кошки или собаки, их беготня и прыжки; тонкая паутина и жужжание пчелы над летним кустом предоставляют возможности для благоговейного наблюдения. Однако наряду с этими маленькими впечатлениями нельзя упускать из виду и величественные явления: восход солнца, гром, молнию, бурю, хлещающую деревья, постигшее кого-то несчастье или печальное известие. Все эти переживания могут дать ребенку представление о величии Господа, о Его власти над всей жизнью.

Вот еще несколько идей, которые, само собой разумеется, можно использовать в различных вариациях и много более детально: желтый цвет похож на солнце, когда оно посылает на землю свои лучи и озаряет ярким светом самые невзрачные уголки. Вечером его блеск переходит в тихое сияние. Когда солнце садится и по утрам, вновь восходя из ночной тьмы, оно пронизывает сумерки пылающим красным светом. Так пылает и роза, как бы излучая свой свет. Все красное всегда стремится завладеть нами. Как активно привлекают наш взгляд красные маки в поле, так что поначалу мы едва замечаем между ними синие васильки. Ведь синие цветы, например незабудки или фиалки, вообще любят прятаться. Высоко над нами простирается синий небосвод. Когда смотришь вверх, то дышится особенно легко. Кое-что от этого ощущения простора сохраняется и в голубой комнате; красная же, наоборот, кажется более тесной, отчего в ней возникает ощущение теплоты. Синеют далекие горы и морские просторы. Какая радость, когда, рисуя, ребенок соединяет спокойный синий и веселый желтый цвета! Синий и желтый одаривают собой друг друга, и вот возникает новый, зеленый цвет. Невозможно наглядеться на сочную зелень полей. Зеленый цвет - в середине спектра, словно он призван спланивать все другие цвета.

Глядя на корявый корень, самому хочется стать горбатым, созерцая гармонично сложенный лепесток розы - ощутить внутреннее равновесие, а при виде высокой ели так и тянет выпрямиться. Тогда и ребенок глубоко проникнется всеми этими явлениями. Колючки чертополоха и можжевельника, гладкая кожица и округлость сливы, острие шипа, расщепленное молнией дерево, мягкое птичье гнездо или расколотый камень, бархатный ковер из мха или нежная овечья шерсть и мерцающая рыбка в ручье - все это может стать интимными, радостно возбуждающими душу переживаниями.

Это лишь некоторые примеры, которые можно варьировать и умножать в соответствии с особенностями ребенка, с временем дня и года, с местностью и собственными возможностями, лишь попытка коснуться сущности природных явлений и обратиться к душевно-духовному существу ребенка. Как сильно отличаются такие переживания от тех, что малыш получает где-нибудь в кино! Постоянное механическое мигание изображения, имитация движения, которого на самом деле нет, отпечатываются,

само собой разумеется, бессознательно (а потому и особенно опасно) в глубинах детской души, разрушая при этом деликатнейшие жизненные силы, даже создавая предпосылки для болезней.

Масса мелочей сопровождает нашу жизнь изо дня в день. Но мы перестанем относиться к нашим ежедневным обязанностям как к механически скучным повторениям одного и того же, если увидим в них однажды отражение реальных духовных явлений. Тогда они приобретут для нас в некотором смысле культовое значение и не будут нам мешать жить естественно и непринужденно, а ведь именно такой и должна быть здоровая и религиозная жизнь.

Момент пробуждения от сна никогда не повторяется в точности. То нежным и ласковым, то угрюмым и недовольным, но по большей части все же сияя и радостно лопоча, просыпается поутру здоровый ребенок. Приходят на память слова Ариэля из "Фауста": "Трубят трубы, звучат тромбоны... что за суматоху вносит свет!" Пробуждение ребенка сродни восходу солнца. Его гибкое тельце редко чинит препятствия возвращающейся из сна душе. А взрослым часто приходится бороться со своими налитыми свинцом членами, прежде чем те снова начнут слушаться как следует. Событие пробуждения, которое означает для нас начало дня, как восход солнца - для земли, есть символ духовного развития вообще, которое из состояния сна все больше переходит в состояние бодрствования. Доброе слово или подходящее изречение, произнесенное при пробуждении, не только озарит весь день, но и благотворно скажется на всякой деятельности.

Пробуждение - это ежедневное чудо, приносящее новые обязанности. Как постоянный призыв, как напоминание действует этот подъем из горизонтального положения в вертикальное. Затем следует одевание. Человек в известной мере совершает видимым образом то, что, в сущности, происходит незаметно. Его Я проскальзывает теперь в свою оболочку.

Эта оболочка состоит не только из физического тела, глазами которого Я вглядывается в земной мир, но и из жизненного тела, как уже говорилось. Оно гораздо меньше проявляется в биении сердца и дыхании, когда человек бодрствует, чем по ночам, когда оно беспрепятственно ведет свою созидательную работу. Душа подобна многоцветному одеянию, в которое облачилось Я. Это наиболее заметно, когда человек предпринимает попытки усовершенствовать какое-либо свойство своего характера. Ведь душа со всеми ее недостатками и преимуществами - это не Я, но, скорее, его оболочка. Человек надевает свою душу, жизненное и физическое тела, словно одежду. Поэтому одевание не есть нечто скучное, что раздражает кое-кого своей ежедневной необходимостью; это, скорее, достоверный знак духовной действительности, символическое действие. Было бы интересно проследить как-нибудь историю души не через философию, а по манере людей одеваться.

Поскольку ребенок еще живет в райском состоянии, то его одевание представляет собой нечто очень трогательное, и при этом неважно, заботится ли о нем взрослый, или ребенок одевается сам, не нуждаясь в особой помощи. Ощущение, возникающее при этом, можно передать такими словами: хотя ты и являешься еще частью природы, но все же должен учиться создавать свою собственную оболочку. Поэтому лучше всего делать детскую одежду как можно более цельной, а не раскраивать ее слишком мелко, ибо ребенок в душевно-духовном отношении тоже еще не очень расчлененное существо. Глупо одевать ребенка так, что он превращается в маленькую копию взрослого. "Мужские костюмы" и "дамские платья" оказывают порой на малышей непредвиденное воздействие, поскольку детские души тем самым как бы окончательно "сшиваются" раньше времени.

Наше столь частое умывание не входило прежде, да и сегодня в некоторых странах еще не вошло в обычай. Очищение осуществлялось прежде как некое священнодействие. Для нас же оно превратилось в ежедневные ванны или обливания под душем, в чем

выражается, очевидно, не только желание освободиться от грязи, но и потребность для нас, жителей больших городов, удаленных от природы, соприкоснуться с живой стихией.

Малышам вода еще родная стихия, поэтому купание или мытье может стать для них самым веселым праздником. И радость эта тем больше, чем меньше ребенок. Позже он охотнее играет с водой, ибо потребность в чистоте не всегда играет для него очень уж большую роль. Но ее можно постепенно пробудить, превратив во внутреннюю потребность навсегда, если, например, радоваться вместе с ребенком, наблюдая, как грязная ручонка после мытья становится чистой. А кроме того, есть ведь, как и почти для каждого детского занятия, соответствующие стишки, которые весело сопровождают действия ритмичной речью.

Понятнее всего божественное откровение для ребенка в пище и питье. Тут окружающий мир глубочайшим образом вторгается в маленького человечка. Он вкушает материнское молоко вплоть до кончиков пальцев. Глаза и пальчики тоже вкушают в полной самоотдаче, ибо еда здесь не является лишь делом неба или желудка - все тело ест и пьет Божьи дары. Еда как переживание становится для ребенка шагом в мир телесности. Сидя за столом, он всем своим видом выражает блаженство. Для ребенка очень важно, что он ест. Здесь можно, разумеется в меру и целенаправленно, довериться неиспорченному вкусу малыша. Лишь со временем значение приема пищи несколько отступает на задний план, хотя и всегда остается душевно важным жизненным процессом, если подумать о том, какие изменения произошли с процессом принятия человеком пищи со времени вкушения райского яблока вплоть до принятия хлеба причастия.

Каждая застольная молитва дает нам минуту внутренней сосредоточенности перед принятием пищи. Это осознание, хотя еще и едва заметное, человеческого бытия, которое мы осуществляем сообща. Чаще всего это благодарность, выраженная в словах. Человек возносит свою благодарность: благодарность Божьим дарам, которые нас поддерживают в жизни; благодарность природе, которая одаривает нас из своих запасов; и благодарность тем, кто приготовил для нас пищу. Маленький стишок Кристиана Моргенштерна очень подходит детям. Он заключает в себе благодарность Земле и Солнцу, перерастающую в обещание, что они прочно поселятся в нашей душе: Всякий плод в Земле растет. Солнце зреть ему дает. Солнце и Земля, мы, люди, Никогда вас не забудем.

В этом же направлении, однако намного отчетливее ведет застольное изречение Рудольфа Штейнера, на которое следует обратить особое внимание. Его слова указывают на пищу как результат процессов зарождения, прорастания и созревания. Прежде чем мы возьмем пищу в руки и в рот, в нас возникает благодарность, если только мы подумаем о том, что она дает возможность душе зародиться, прорасти и созреть. Человек стоит как бы на пороге между природой и духом - и мы видим объективный, а значит не зависящий от нашего сиюминутного настроения прообраз человека:

В земной ночи зарождаются растения,
Травы прорастают властью воздуха,
Могуществом Солнца созревают плоды.
Так зарождается в сердце душа,
Так прорастает могущество Духа в Мировом Свете,
Так зреет сила человека в божественном сиянии.

Естественно, маленький ребенок еще не понимает этих слов, однако они затрагивают его душу на бессознательном уровне.

К тому же мы можем, по старому гессенскому обычаю, взяться за руки, образуя за столом круг, и произнести перед едой: "Благословенная трапеза".

Определенное приготовление к приему пищи, наряду с мытьем рук перед едой, заключается в той манере, в которой мы говорим с ребенком о еде. Некоторые предпочитают застольной молитве собственные слова благодарности корням, листьям, цветам, солнцу и дождю, которые позволили всему этому вырасти. Другие любят вспоминать о бурлящем ручье, который дает нам воду, или о курах и коровах. Хорошо

мысленно вспомнить о пекаре и крестьянине, которые встают очень рано, чтобы испечь для нас хлеб или подоить корову. Везде нужно проявить изобретательность, тогда с радостью от вкушения пищи мы свяжем благодарность и уважение, так что одновременно с телом пищу будет получать и душа.

Очень важен для религиозного воспитания час укладывания ребенка. "Как засыпают, так обычно и просыпаются". Если ребенок лежит в постельке чистый и спокойный, то много слов не нужно - можно даже иногда обойтись и без вечерней молитвы. Однако тон, каким мать желает ребенку спокойной ночи, как кратко напоминает о событиях прошедшего дня, как кладет руку на головку или берет маленькую ручку в свою руку, как предоставляет на ночь ангельским мирам доверенное ей существо, - все это подготавливает ребенка к безмятежному сну. Иногда ребенок как бы мимоходом еще упоминает о каком-нибудь происшествии или рассказывает о каком-нибудь проступке. Мы не будем изгонять эту нежную доверчивость нравовыми, но, наоборот, поощрим ее и дадим ей реализоваться, спокойно выслушивая малыша. Подобного рода маленькие происшествия помогают подвести ребенка к порогу ночи в смиренном настроении. Некоторые родители заканчивают вечернюю беседу с ребенком произнесением его полного имени. Такое приготовление к переходу через порог ночи отзовется на всей дальнейшей жизни и на всех стремлениях человека.

Но наиболее действенно, разумеется, завершение дня подходящей вечерней молитвой, ибо "если человек в детстве научен молиться, то в старости он сможет правильно благословлять", - говорил Рудольф Штейнер, оставивший нам прекрасную вечернюю молитву для детей:

Я с головы до ног -
 Божье подобие.
 Я чувствую, как от сердца к рукам
 Веет Божье дыхание.
 Когда я говорю,
 Я следую Божьей воле.
 Если я вижу Бога
 Повсюду: в маме, в папе,
 Во всех любимых людях,
 В животных и цветах,
 В деревьях и камнях,
 То мне ничто не страшно:
 Я чувствую лишь любовь ко всему,
 Что вокруг меня.

(Из книги: Молитвы для матерей и детей").

То, что пригодно для малышей не имеет ничего общего с сентиментальностью; потому оно и ближе к истине. Для ребенка редко что бывает слишком "трудным", так как он не улавливает мыслей, но участвует в восприятии как внутреннем процессе. Нет и нужды говорить ребенку: "Ты этого еще не понимаешь". Наша задача - правильно выразить то, что хочет узнать ребенок. При этом решающим является правильное отношение к нему. Поэтому мы можем при случае выбрать какую-то молитву только ради ритма:

Когда малыши молятся,
 Все ангелы прислушиваются,
 И все звездочки
 Тихо входят сюда
 В золотых башмачках,
 Подслушивают детские слова,
 Прячут их глубоко в сердце
 И несут через Небесные Врата

К Господу Богу.

(Из народной поэзии)

Пока ребенок еще мал, он, может быть, еще крутится во время молитвы и не очень-то придает ей значение. Он даже поигрывает ручонками, хлопает ими вместо того, чтобы сложить их. Мы не должны забывать, что, складывая руки или вкладывая их одна в другую, человек переживает таким образом себя. Он замыкает тем самым свой собственный круг. Не является ли ввиду этого игра руками также своего рода прикосновением к своей собственной сути? Это молитвенное настроение ни в коем случае не должно быть нарушено. Только нам самим отвлекаться нельзя, ибо и здесь все зависит больше от внутренней "жестикуляции" взрослого, от его настроения, чем от слов.

Молитва должна создать у ребенка настроение покоя. Даже когда ангелы в ней не упоминаются, молитва всегда способствует тому, что Ангел-хранитель принимает ребенка. Это и есть вечерняя задача для родителей, уже выполнивших свои многочисленные дневные обязанности. Теперь они передают ребенка тем силам, чью работу они призваны продолжать после рождения ребенка.

Каждый, кто чувствует свою ответственность перед ребенком, должен стараться на свой лад повсюду "расшифровывать" Имя Божье, тем самым окружая ребенка атмосферой радости. Гете в "Поэзии и правде" говорит о себе, что "вплоть до семи лет придерживался первого пункта веры". А содержание первого пункта веры - Бог-Отец, присутствие которого в природе как раз малыши могут прочувствовать во всей полноте. А уж потом, в течение вторых семи лет жизни, совершается постепенный переход от бессознательного к сознательному переживанию творческой деятельности Бога-Отца.

В качестве утренней молитвы для этого возраста Рудольф Штейнер рекомендует такие стихи:

Солнечный свет
Освещает день
После темной ночи.
Силы души
Пробудились от сна:
Душа моя,
Будь благодарна свету -
В нем сияет
Божья сила;
Душа моя,
Будь прилежной в делах.

Мы, взрослые, должны прежде всего открыть источник душевной теплоты и света внутри себя. Там живет "Божье Имя" в нас, наше Я, которое в немецком языке составлено из инициалов Иисуса Христа (ICH). Благодаря этому нашему Человеческому Имени мы можем помогать ребенку в познании Божьего Имени во всем многообразии природы. Так "странствующая детская церковь" будет способствовать строительству постепенно возникающей "незримой Церкви" Иисуса Христа.

КОЕ-ЧТО О ПРАЗДНИКАХ

Христа с детьми изображена в Евангелии в одной прекрасной сцене: "Он возложил на них руки и помолился" (Мф. 19, 13). Христос, собственно, ничего не сказал малышам. Он совершил над ними некое действие. Он наделил их Своей любовью, Своей силой, Своим благословением. Это столь же необычайно прекрасная, сколь и значительная картина. Ребенок воспринимает взрослого человека не столько через слова, сколько через поступки. Подарочек в кармане, а то и подзатыльник подтверждает это положение. Сама природа устроила так, что с самого первого вздоха малыш нуждается в наших действиях.

Наши руки обнимают его, заботятся о нем, благословляют его. Руками мы подготавливаем его первые шаги на Земле.

И при крещении важнейшую его часть составляет прикосновение к маленькому тельцу субстанциями. Именно это действие во Имя Отца, Сына и Святого Духа и составляет главным образом таинство. Свыше нисходит имя, а из человеческой сферы как представители общины христиан приглашаются крестные родители, и, наконец, крещение охватывает земные элементы. Как и все, что совершается в духе Христа, крещение направлено от Неба к Земле: "... И Слово стало плотью".

Постоянно возобновляющееся действие Христа состоит в том, чтобы духовное воплотить в земное. Этим христианство принципиально отличается от всех других религий. Оно представляет собой не только учение, не только образец для подражания, но и, скорее, священнодействие воплощения самого Бога. Вот и жизнь Христа между крещением в Иордане и крестной смертью есть непрестанное преобразование земного тела вплоть до абсолютного одухотворения. Западное человечество всегда ощущало воплощение Христа как решающее событие мировой истории. Какое волнующее действие все вновь оказывает "et incarnatus est" ("и воплотился") в си-минорной мессе Баха! Это звуки вплотную подводят к тому священному событию, что свершилось в полной тишине, но стало определяющим для человечества. С тех пор оно воздействует на весь мир через века.

Полнее всего воплощается Христос в таинствах. Когда ученики собрались вокруг Него, Он начал изливать Свое Существо в чашу земли через хлеб и вино. Медленно вплетается Его жизнь в жизнь Земли, преобразуя ее в Его жилище.

В этом космическом процессе принимает участие и человек, ибо для христианства характерно осуществляемое исходя из духовного прообраза действие, в котором Христос с каждым разом все больше воплощается в земном бытии. В то же время это высшее из того, на что способны люди на Земле. Когда они с любовью обращаются к низшим существам внешнего мира, в них возрастает истинно человеческое достоинство в духе Христа.

Там, где люди сходятся по случаю рождения, бракосочетания или смерти, устраивают торжество. В такие поворотные моменты судьбы участники торжеств по большей части оказываются особенно восприимчивы для духовных впечатлений. Часто это бывает даже последней возможностью для восприятия духовных истин. Однако порой случается, что эти открытые врата захлопывают ответственные за торжество людьми, и готовность обратиться к божественному обращается в свою противоположность! Многие нынешние вывихи в социальной жизни берут начало в глубоком разочаровании именно в этом отношении. Ибо всякое событие личной судьбы, в котором жизненный поток становится ясно различимым, дает повод выйти за пределы повседневного. Истинное, подкрепленное таинствами торжество поднимает индивидуальную судьбу от личного к общечеловеческому и превращает интимное переживание в деяние ради всей Земли. Если оно к тому же соответствует современному сознанию, то становится источником идей для любого оформления любых праздников.

Праздник привносит в религиозную жизнь элемент радости. Тому, кто сегодня наблюдает жизнь церкви, может показаться, что смех совершенно чужд ей. Да и в жизни некоторых людей, называющих себя христианами, нередко преобладают мрачность и озабоченность. "Более спасенными должны были бы выглядеть Его последователи, чтобы я мог поверить в их спасенность" - так вслед за Ницше более или менее сознательно могли бы сказать многие. Они зарылись в собственные дела, вместо того чтобы соединиться с единомышленниками и с потоком всеобщего становления человечества. Радость освобождает от одиночества и в значительной степени участвует в создании оснований для истинной общности. "Радость - это небо, под которым процветает все, за исключением яда" (Жан-Поль).

Недостаток веселости и чувства общности отчуждает людей от праздников, сообщая им душевную ограниченность и чувство безысходности. Такое состояние духа взрослых несет опасность отстранения малышей от религиозной жизни. Для религиозного воспитания малышей важны именно праздники. Младенец-Христос, Дед Мороз, пасхальный заяц и св. Николай - все это излюбленные полудействительные, полуфантастические образы, которые своей красочностью греют сердца детей и сопровождают их целый год. Дети живут в ожидании поочередного прихода этих образов, представляющих собой прекрасные мосты между земным и божественным мирами. Правильное проведение христианских праздников, обычаи, которые складываются из их непосредственного созерцания, питают детскую душу и подготавливают ее к постижению в будущем и духовных основ этих праздников. Они побуждают и к участию в праздниках и к установлению других праздничных дней, чтобы наполнить жизнь ребенка радостью и светом. Обычаи и прежде всего праздничные обычаи возникли у алтаря. Культ, в котором Божье Слово становится Божьим Делом, облакает Слово субстанциями и движением как некий организм, предназначенный для его воплощения, стал основателем и творцом обычаев. Без культа мы не сможем сохранить и обычаев.

Там, где собираются вместе люди, еда и питье обычно играют значительную роль, будь то угощение на крестинах или поминках, вкусный напиток в день рождения, свадебный стол или праздничная воскресная трапеза, крашеные яйца на Пасху или хрустящие пряники на Рождество. Совместное вкушение еды - всегда дело важное, а в некоторых странах люди едва ли считают возможным встречаться, не выпив вместе чашечку чая или кофе.

В застольном поведении заключена одна из важных черт рода человеческого, в которой выражается его отношение к окружающему миру. Звери в большинстве случаев сразу набрасываются на пищу. Человек использует в качестве посредника руки. Они поднимают еду, как бы взвешивая ее, и потом отправляют в рот. Уже в этом обычном жесте можно видеть все глубины и высоты человеческого бытия вплоть до благословляющих жестов священника. Рука может все вновь тянуться за райским яблоком или с благодарностью принимать хлеб, благословляя его. Каждое движение руки может соединять или разделять, символически обозначая расстояние между человеком и внешним миром, о котором сообщает и собственное тело. То и другое - тело и пища человека - не только произведения природы, ее дары. В создании обоих человек - один из главных участников: стоит только подумать о том, как появляется хлеб - символ всякой пищи. Выпеченный особым образом хлеб - пирог - и есть воплощенный праздник. В нем пища для тела, насущный хлеб в определенной степени возвышается до символа.

Следующий элемент праздника - украшение. Растения или цветы необходимы для всякого праздника. Для праздничных встреч мы украшаем помещение всевозможными растениями и плетем гирлянды. Для этого же предназначены букеты и различные венки, сплетенные детьми на лугу, веночки из сухих цветов или те, что приносят в час поминовения. Почему мы так любим все украшать растениями? Растительные украшения символизируют нарядную, украшенную душу. Она хочет явиться на торжество в праздничном наряде. Темное, препятствующее росту, должно быть устранено, и тогда тем ярче излучает она светлое, прекрасное. Об этом должны говорить цветы.

Существует обычай вплетать цветы в надгробный венок - в знак того, что ныне завершены, закруглены наши отношения с близким человеком, которые связывали с ним в земной жизни. Голову невесты украшает нежный и изящный миртовый веночек. В этом случае венок означает, что жизнь, до сих пор шедшая прямым, одиноким путем, начинает отклоняться к другому человеку.

В некоторых случаях мы составляем букет из всевозможных мелких ароматных цветов, чем хотим выразить всю полноту, нежность и многообразие наших чувств любви и радости. В особых случаях мы выбираем темно-красные розы, которыми выражаем

надличное духовное уважение по отношению к другому человеку. Так представители растительного мира могут стать выразителями наших душевных переживаний.

Третья характерная черта праздника - освещение. Когда ждешь гостей, то хочется празднично осветить комнату. Старинные великолепные люстры в церквях и замках создавали поистине торжественное настроение. В помещении, освещенном теплым светом, всегда есть что-то праздничное. Свет и праздник обладают внутренней притягательностью. В солнечные дни у нас приподнятое настроение, и мы ощущаем прилив энергии. В праздник мы частенько ставим на стол светильник со свечами. А один из излюбленных обычаев детей - зажигание свечей во время вечерней молитвы.

Но не всякий свет годится для праздника; иногда мы при свете мерзнем. Какой-нибудь зал, освещенный мощными лампами, может быть, и оказывает импозантное впечатление, но более глубокая душа гораздо праздничнее чувствует себя в помещении, освещенном настоящими свечами. Оно не только внешне оставляет ощущение тепла; в своей основе свеча есть свет богослужения. Она как бы негромко говорит о том, что может светить лишь потому, что она жертвует собой. Тихое пламя пожирает свечу, которая отдает себя свету. Свет и тепло рождаются из самопожертвования. Так свеча выводит из потаенных глубин наших душ знание о том, что из бескорыстной самоотверженности рождается духовный свет.

Вкусный хлеб, прекрасные цветы и естественное освещение в их тройственности суть символы тела, души и духа, этих основных элементов праздника. Эта тройственность присутствует и в священнодействии в виде свеч, аромата ладана и хлебов приношения. При известной изобретательности содержание любого праздника может быть выражено с помощью этих трех элементов, которые можно бесконечно варьировать, делая акцент то на одном, то на другом, то на третьем. Так, уже пироги в каждой семье имеют свой особый вкус. А какие возможности дают растения и цветы, соответствующие всем нюансам человеческих чувств! Да и свечи бывают разные. Чаще всего на празднике наибольшее значение придается пирогу или торту как представителю всего съедобного, но иной раз и цветам, реже - освещению. В своей совокупности все три элемента самым отчетливым образом указывают на праздник, в котором наряду с телом участвуют душа и дух.

На одном примере наглядно покажем, что имеется в виду, когда говорится о празднике как средстве воспитания. Праздничный день недели - воскресенье - в наше время начал утрачивать свое особое значение. Это вовсе не означает, что мы выступаем за узколобое соблюдение воскресного закона, как это практикуется в некоторых странах, не означает уже потому, что "закон" и "воскресенье" противоречат друг другу. Законный отдых закрепил за субботой Ветхий Завет. В нем он и имеет силу.

Суббота уже своим названием (Saturday) указывает на далекий Сатурн, который со своим слабым и чуждым светом, кажется, едва имеет какое-то отношение к Земле. Эту самую далекую из известных в древности планет можно рассматривать как врата в еще более отдаленные небесные сферы. День недели, который все еще несет в себе что-то от характера Сатурна, располагает душу прислушиваться к небесным далям. Подобным настроением были проникнуты благочестивые иудеи, которым закон вменял в обязанность соблюдать по субботам строгий покой. Они должны были прислушиваться к указаниям, нисходящим сверху, от Божества.

С тех пор как Христос связал Себя с Землей, отношение человека к божественному миру принципиально изменилось. Если прежде молитвы возносились к дальним далям, то теперь они обращены на то, что нам ближе всего; если прежде нужно было ждать откровения, теперь человек может быть его сотворцом; где прежде господствовали законы, теперь есть возможность обретения свободы. Иудейскому Сатурнову дню (субботе) в качестве праздника пришлось освободить место для христианского воскресенья. Ибо теперь состоянию души соответствует солнечная сущность этого дня. Солнце пробуждает жизнь и способствует всякому росту, распространяет свет и тепло -

такой должна была стать и новая религия. Позже, правда, к христианству было примешано многое из дохристианского, иудейского мировосприятия, что превратилось со временем в воскресный закон, действующий принудительно там, где должны иметь место свобода и самоотверженное творчество.

Значение воскресенья состоит прежде всего в том, что каждое седьмое утро оно дает нам возможность пробудиться в ином мире. Человеку предоставлена возможность для свободного и личного самоопределения. Благотворность воскресенья состоит уже в том, что этот день изымает нас из потока повседневности. Досуг и каникулы хороши не тем, что мы можем в это время ничего не делать, но тем, что мы можем сами выбирать, чем заняться, и можем, наконец, делать то, до чего иначе у нас не доходят руки. Уже в смене занятий и распорядка дня заключается отдохновение, дающее нам силы для ежедневной работы.

Воскресенье как особый день должно будить в детях радость и выделяться для них среди остальных дней недели. Есть дома, которые по воскресеньям украшаются цветами, мать семейства накрывает стол особой скатертью и вынимает красивые чашки и тарелки - особую воскресную посуду. Тогда ей и не надо рассказывать ребенку о воскресенье: она его "делает". Если вместе с малышом на стульчике возле кровати сложены чистое белье и свежее платье, а субботняя ванна смыла всю грязь от волос до кончиков пальцев, тогда воскресенье можно считать хорошо подготовленным и дети проснутся в радости. Уже пожелание доброго утра будет звучать в этот день более многообещающе, и завтрак, проведенный в торжественном спокойствии, станет достойным введением в него.

Только в исключительных случаях мы берем с собой на богослужение малышей - может быть, на "воскресный ритуал" для детей, в котором принимают участие братья, сестры или друзья. Ведь смысл священнодействия, которое посещают взрослые, им недоступен, и они будут скучать на нем. Сколь сильно именно дети стремятся к культу, понятно из уже сказанного. Как глубоко вдыхают они запах ладана и любят сидеть перед алтарем, погрузившись в молчание, а то и созерцая некоего "ангела"!

Вспомним о детских переживаниях Гёте, описанных им в "Поэзии и правде". Он устраивает себе для молитвы алтарь: на отцовский нотный пульта пирамидальной формы, покрытый красным лаком, он складывает дары природы, и прежде всего камни. С помощью лупы он фокусирует первые лучи утреннего солнца и зажигает свечи, которые венчают это сооружение и от которых поднимаются к небу ароматные облака. Так и молится мальчик, Гёте, найдя свою форму священнодействия.

Конечно, неплохо иногда взять с собой малыша в церковь, но вообще-то будет лучше, если он воспримет религиозные ценности через то душевное состояние, которое обрели на богослужении взрослые и которое они, придя домой, смогут обратить в праздник. Должны ли родители по воскресеньям ходить в церковь, оставляя детей дома одних, если они уже и в будние дни были вынуждены делать это? При всей свободе решения этого вопроса в каждом отдельном случае можно все же сказать, что дети вряд ли одинаково воспримут посещение родителями богослужения и уход на службу, если почувствуют, что взрослые возвращаются из церкви духовно обогащенными.

Торжественность воскресной трапезы должна зависеть не от количества или изысканности яств, но в основном от того, каким образом накрыт и украшен стол. Возможно, после обеда члены семьи вместе музицируют, собираются за излюбленными играми или кто-то рассказывает в этот день столь любимые детьми сказки, каждая из которых уже и сама по себе - праздник.

К воскресенью во многих домах пекут пироги или торт. Свечи, зажигаемые в этот день лишь на алтаре во время богослужения, продолжают гореть в сердцах людей и дальше. Все это привносит в воскресенье настроение, которое Новалис выразил однажды такими словами: "Серьезность должна излучать веселье, а шутка - серьезность".

Воскресенье, проведенное не в безделье, но в приятной, свободной деятельности, не ущемленной законом, а развертывающейся подобно радостной игре, станет для нас днем истинного отдохновения и укрепит для наступающей недели.

Дети всегда рады праздникам; в эти дни они бегают и прыгают особенно весело, поют и танцуют с большим воодушевлением, чем в будни. Устраивая праздники, мы помогаем духовному содержанию нашей жизни воплотиться на Земле. Тем самым мы погружаем религиозное жизнеощущение в душевные глубины малышей. Чувство и знание придут к ним потом. Во время крещения земными субстанциями глубоко в их подсознательную волю входит доверие к Земле. В празднествах мы пытаемся довести до прорастания и дальнейшего роста посеянные во время крещения семена.

ИЗ БОГАТСТВА РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБЫЧАЕВ

Сколь многое вмещает в себя понятие "обычай". Оно пришло в мир нашей реальной жизни из прошлого. Возникшие из священного культа, обычаи, видоизменяясь, сохраняются и сопровождают людей через все времена. Они всегда привлекательны благодаря тому, что в них переплетаются свет и тени, духовная свобода и земная обусловленность. Разнясь от деревни к деревне, они пропитаны своеобразием того места, где возникли, и свидетельствуют о своеобразии людей, среди которых формировались. Они дают превосходную возможность познакомиться с особенностями различных эпох и стран и открывают источники творческих способностей, в прежние времена доступные каждому.

Обычаи по большей части бывают веселыми и радостными, даже если порой выражают весьма серьезные вещи. Прежде, когда еще не выделилась индивидуальная человеческая душа с ее желаниями, мыслями и чувствами из глубин коллективного начала, как это имеет место теперь, в обряде жила общая родовая душа.

Самые выразительные из обычаев смогли со временем проникнуть в города и скрасить собою их обычную серость. Однако там им во многом пришлось закознить, а поскольку городов повсюду становилось все больше, то и обычаи в общем и целом себя изживали. Кое-где они доживают свой век в качестве музейных экспонатов; иногда их извлекают из забвения и с воодушевлением пытаются возродить их былое очарование, как это случилось, например, с "ярмаркой Младенца-Христа" в Нюрнберге.

Кое-кто использует обычаи там, где не хватает собственных идей. Тогда они превращаются в этикие затычки, хотя такое применение отнюдь не достойно их. Они могут служить мощным стимулом для формирования общности людей, которые, с одной стороны, не взирают на эти обычаи сверху вниз, а с другой - не поддаются слепо их чарам. Чтобы понять их до конца, мы должны искать их происхождение в культе, а средо их воздействия - в общине.

Сегодня отдельный человек призван к сотрудничеству в деле создания новых общественных форм - ведь ему уже доверено и сознательное участие в культе. Хотя обычаи, таким образом, и утрачивают свое привилегированное положение, однако могут и впредь побуждать нас искать все новые формы совместной жизни.

Понимание смысла обычаев подобно перелистыванию книжки с картинками, которую мы показываем малышам. Их религиозное воспитание во многом будет зависеть от того, насколько мы овладеем духовным содержанием мира и научимся выражать его во всем - вплоть до обычаев и обрядов.

Сегодня обряды еще считаются настолько важными для детей, что горожане зачастую ошибочно полагают, что они только для детей и существуют. Поэтому о Рождестве, с которым связано большинство обрядов, говорят как о детском празднике. Однако если бы мы сами не относились всерьез, например, к рождественской елке и не радовались ей каждый год, то и любое другое, даже более красивое и лучше украшенное

дерево было бы в лучшем случае лишь украшением нашей комнаты, но никогда не стало бы настоящим рождественским деревом.

Рождество так богато обрядами потому, что оно было ближе нашим предкам, чем Пасха, Троица, Иванов день или Михайлов день, а также потому, что зимой все многообразие природы отступает и умолкает под покровом снега. Из глубин человеческой души поднимаются дотоле не разбуженные духовные образы, которые в это время года бывают особенно ясными.

Рождество - это праздник Бога-Отца. Во многих странах Бог является в традиционном образе рождественского Деда или Деда Мороза и дарит подарки. В Германии, например, центральной фигурой рождественского праздника считают "Младенца-Христа", дитя Божье.

Здесь акцент больше смещен на Бога как "изначального Дарителя": Отец дарит Сына - человек следует Его примеру и тоже готовит подарки своим близким. Здесь "Младенец-Христос" подводит людей к сущности праздника. Следуя Его примеру, человек сам стремится стать дарителем.

Заметим, что обычай говорит о Младенце-Христе, не о Младенце-Иисусе, чье Рождество мы отмечаем двадцать пятого декабря. Имя Иисус относится к исторической личности. В него во время крещения на Иордане вступил Христос, который хочет действовать в нас и зажечь наши сердца священной радостью одаривания. Правоммерно также говорить о Младенце-Христе, ибо Иисус с самого своего рождения и в течение тридцати лет, вплоть до самого Крещения на Иордане, был осиян Христовым светом.

Есть родители, которые не решаются пользоваться этим рождественским образом "Младенца-Христа", чтобы "не обманывать" своих детей. Они заблуждаются, так как едва ли можно поведать детям об истине Рождества вернее и к тому же прекраснее, чем посредством этого образа, который вполне правдив. Кто же в таком случае Тот, кто трогает нас до глубины души и так глубоко нас любит, что вызывает желание одаривать людей, как не Христос в нас со своей вечно свежей силой? Как легко ребенок воодушевляется Им, соединясь с Ним силой веры! Он чувствует Его духовную реальность.

Взрослея, ребенок, естественно, найдет подход к другому пониманию и тем самым приблизится к родителям. Прежде всего для него будет само собой разумеющимся тот факт, что мать и отец верят в Младенца-Христа. "Когда я буду большим, я тоже стану помощником Младенца-Христа", - думает малыш. Конечно, это так, ибо взрослый может носить Христа в себе. "А когда я стану совсем большим, может быть, я и сам стану Младенцем-Христом". Разве это не естественно для ребенка - стремиться к тому, что он считает наивысшим и самым прекрасным? Возможно, когда-нибудь позже ему станет понятен смысл его детски наивной веры.

Малыш слышит, например, музыкальную шкатулку под рождественской елкой. "Младенец-Христос поет", - говорит он в глубоком благоговении. Каждый год он все вновь радуется этому излюбленному рождественскому откровению. Шкатулка старая и немного дребезжит, но он не замечает этого в своем воодушевлении. Или он просто не хочет, чтобы ему мешали, когда он самозабвенно прислушивается к небесному чуду? Родителям все труднее улучшить момент, чтобы завести шкатулку снова. Странно, но это удается не всякий раз. Наконец, ползая под елкой, ребенок натывается на шкатулку. Он изумленно ошупывает коробочку маленькой ручкой и заявляет тоном, не терпящим возражений: "Там внутри поет Младенец-Христос". Это звучит так, словно уже заинтересованный технической стороной чуда ребенок дает себе еще некоторое время для того, чтобы без помех помечтать о святине. Его душе гарантировано, что она еще долго и глубоко будет переживать тайну Рождества. Однажды когда-нибудь ребенок увидит, как отец заводит шкатулку и ставит ее под елку. Испуганно смотрит он на него большими глазами. "Как ты можешь?" - спрашивают они. Но, помолчав, он утешает себя: "Ну да, ты

ведь можешь помочь Младенцу-Христу". А потом, в глубокой задумчивости, произносит: "Может быть, и я когда-нибудь смогу помогать Ему".

Не знающая сомнения, прямая и здоровая душа ребенка сама стремится наладить отношение к Рождественской ночи - событию, в которое он глубоко верит. Даже маленький сорванец ищет его, пусть это займет его лишь на считанные мгновения, покуда он чувствует, что близкий ему взрослый всерьез прилагает усилия, чтобы вызвать в своей душе переживание света во тьме. Это переживание научит его впоследствии не вмешиваться бездумно в мир детей.

Праздник Христа таинственно начинается уже во время Адвента*. Мир смолкает, человеческая душа прислушивается к безмолвным просторам. Звуки далекого будущего достигают его слуха. Обычай тонко улавливает "нашептывающее" настроение Адвента.

* Предрождественское время - четыре недели перед праздником. - Ред.

Подготовка праздника начинается уже за четыре недели - с так называемого венка Адвента. В своей округлости он выражает круглый небосвод, откуда люди с надеждой ожидают приближающееся событие. Для детей венок Адвента - темно-зеленый, словно дремучий сказочный лес, но на нем уже укреплены свечи как предвестницы светлого праздника. Их четыре - для каждого воскресенья по одной. В первое воскресенье будет гореть лишь одна свеча, в четвертое зажгутся все четыре. Это уже канун Рождества.

Однажды утром ребенок обнаружит следы, оставленные Младенцем-Христом. Может быть, это будет засунутая за картину, за лампу или за кровать еловая ветка. Где-то блеснет полоска золотой или серебряной бумаги. Легкой дрожью ожидания пронизывает малыша радость от предвкушения праздника. Он уже совсем близко! Но четыре недели для ребенка - весьма долгий срок, даже если этот месяц богат сюрпризами и маленькими происшествиями, даже если календарь Адвента, чьи врата открываются каждый день все шире, помогает считать дни и все больше приоткрывает тайну или обнаруженный между окнами привет от Младенца-Христа сокращает ожидание.

Весьма важное дело в эти недели - испечете всевозможных сладостей, форма и запах которых создает рождественское настроение. И вот в дело идет все изобилие изысканных приправ! Тут и сладкий миндаль, среди которого попадает и парочка горьких орехов - их тоже можно попробовать, а еще орехи, инжир, изюм, виноград и многие ароматные пряности. Тут надо отмерять, перетирать и месить, как заправский пекарь, и, конечно же, каждый может попробовать тесто, а в конце вылизать миску дочиста. Затем на противень кладутся коврижки и вафли, которые потом можно есть, отламывая по кусочку. Особенно вкусны мелкие печенья, которые бывают вырезаны в виде звезд, полумесяцев и цветов и которые так весело посыпаны сахарной пудрой. Детям кажется, что эти звезды действительно упали с неба. Ручонки еще, как правило, неловки и слишком нетерпеливы, чтобы точно вырезать печенье, которое раньше делали при помощи деревянных или металлических формочек. Вот и получается, что ребенку больше нравится смотреть, как под ловкой маминой рукой из теста возникают то человечки, то деревца. Зато можно собрать обрезки и слепить из них что-нибудь свое. Кто в детстве не делал шарики из теста, пока они не превращались в бурые бесформенные комки!

Готовка относится к излюбленным детским занятиям. Ведь речь идет о приготовлении особенного хлеба, который мы называли "воскресным хлебом". В этом воскресном хлебе - праздничная пища для тела, как в цветах живет пища для души, а в свете - для духа. Пирог по праву занимает центральное место на столе во время Рождества, праздника воплощающегося Бога.

Каждый вечер можно зажигать свечу, вставив ее в яблоко. Это ясный символ Адвента, поскольку яблоко грехопадения может стать носителем света. В календаре день перед Христовым праздником называется днем Адама и Евы. Дом в это время звенит от рождественских песен, которым дети всегда радостно подпевают, может быть готова подарочек или помогая матери подновить какую-нибудь игрушку из собственного шкафа и упаковать ее, чтобы подарить на Рождество другим детям. Недели перед Рождеством

кипят радостной работой ради других и многообещающим ожиданием, пронизанным тайной предрассветных сумерек, несущих ощущение мирового рассвета.

Зато как печально обстоит дело с детьми, если неумные или бесчувственные родители тащат их с собой в город, чтобы купить вместе с ними долгожданный трехколесный велосипед или кукольную коляску. Ребенку приходится еще самому выбирать игрушку в магазине, и ее сразу же отдают ему, не дожидаясь Рождества, - "чтобы лучше использовать каникулы". Такие и подобные нелепости творятся из лучших намерений - чтобы угодить с подарком и "не подвергать детей пытке ожидания". Какая близорукость! Но за нее должны нести ответственность не столько отдельные люди, сколько вся наша цивилизация. Люди вовсе не понимают, что действуют односторонне - лишь с точки зрения взрослого, совершая тем самым несправедливость по отношению к ребенку.

Даже самая скромная коробочка, снабженная четырьмя колесами и шнурком, чтобы возить ее за собой, в качестве удовлетворения мечты о поезде или автомобиле куда ценнее, чем купленная вместе с ребенком электрическая железная дорога. Ведь важно именно то, чтобы малыш ждал подарка с нетерпением, а получал его в день праздника. Только тогда он приобретает настоящую ценность, только тогда становится подарком Христа.

Время приготовлений и ожидания всегда несет с собой надежды и пожелания. Как дети умеют желать! Всем своим существом они устремлены к большой цели. Их пожелания действуют словно магическая сила, и не придется, может быть, удивляться, если вдруг сбудется и невозможное. Сама природа дает детям веру, которая "движет горы". За этой силой желания, живущей в ребенке, стоит нечто весьма значительное, и взрослый чувствует себя рядом с ним довольно жалким в этом смысле. Как светятся надеждой детские глаза! Перед нами открывается чудесный мир, который мы едва замечаем, не умея оценить его по достоинству. Рудольф Штейнер сказал однажды, что дети до семи лет представляют собой отдельную человеческую породу: они верят в моральность мира и потому стремятся подражать всему, что видят. Обнаружить это нам легче всего именно в дни Рождества, когда детская доверчивость проявляется в полную силу.

Можно выразить свои пожелания (порой весьма неожиданные) на листке бумаги, украсив его веселыми рисунками, вложить в конверт и адресовать Младенцу-Христу, а конверт положить на подоконник. Как волнуются дети: найдет ли Он письмо! И как горяча их радость, когда они замечают, что письмо исчезло! Такой сверхчувственный символ, как Младенец-Христос, часто оказывается более реальным, чем обычные вещи вокруг нас. Иначе как могли бы неиспорченные и чистосердечные дети так сильно любить Его!

Рождественский подарок, даже если это всего лишь маленький памятный подарок, всегда несет в себе доброту и любовь Младенца-Христа.

Во всяком случае, он обогащает мир, пронизывая его душевным теплом. Такие подарки дают нам возможность лучше осознать некоторые нити судьбы и помогают правильному воплощению ребенка в духе Того, Кто явился на Земле.

В предрождественское время действуют управляющие миром тайны, к постижению которых в правильно организованном обычае человек подходит лишь в конце. По мере приближения праздника все тоньше становится разделяющая завеса. Однажды утром дети находят гостиную закрытой, а за ее дверью - они чувствуют и слышат это - чем-то стучит и шуршит Младенец-Христос. Вот он уже совсем близко! Благоговейные чувства, связанные с его присутствием, уже бросают праздничный отблеск на все будничные дела. Ведь он уже в доме - об этом говорят аромат, настроение, все возрастающая радость предвкушения. И все теперь будет ладиться, все будут лучше понимать друг друга перед лицом высокого гостя за запертой дверью. Только самый дерзкий станет подглядывать в замочную скважину. Старая пословица гласит: "Любопытным детям Младенец-Христос

выколет глаза". Это грубое выражение все же имеет отношение к той истине, что дети все еще окутаны силами Бога-Отца извне. Ибо внутреннего Бога, Христа, они найти еще не могут. Они и не должны развивать доступные лишь взрослым предпосылки для внутреннего познания его существа: им доступны лишь его дары.

Когда Младенец-Христос уже в доме, это значит, что "время приблизилось". Само собой разумеется, квартира должна быть уже убрана и приведена в порядок. Чисто одетые, причесанные, в Сочельник наутро после Рождества малыши с нетерпением ждут раздачи подарков. Звенит колокольчик, волнение ожидания и надежд достигает своего апогея, сияет в лучистых глазах, а то и проявляется в громком ликовании. Наконец дверь распахивается и детей охватывает поток света и тепла словно из иного мира. Они входят в мир милосердия и блага. Вечный Свет нисходит, заставляя этот мир сиять новым блеском. И это для ребенка - свершившийся факт благодаря Младенцу-Христу в нас.

Теперь не так уж и важно, исполняются ли все желания, и вовсе не имеет значения количество подарков. В этом изобилии света, в теплой смеси запахов елки, пирогов и свечей весь мир обновился. Тут можно усмотреть нечто от апокалиптического обетования: "Смотри, я творю все новое". Великий поворот времен переживается в образах.

Все оказалось гораздо чудеснее, чем ожидалось, гораздо богаче, чем можно было себе представить. Пришел миг исполнения. И кукла в новом платье как бы освещена новым светом, когда она лежит в своей заново перетянутой кроватке. Привлекательнее стала и коробка с кубиками, которые заново перекрашены яркой краской. Снова вытащена прошлогодняя кукольная кухня, и бывшая папина коробочка снова наполнена всякими сладостями. Долгожданная сабля сверх всяких ожиданий сверкает великолепно, и кукольная коляска намного красивее, чем можно было мечтать.

Подарки лежат под самой елкой. Давно знакомую комнату не узнать - она превратилась в сказочный замок. Это чувствует ребенок, еще не умея высказать свои ощущения. Несказанным блеском сияет елка. Многие вплоть до смертного часа хранят в душе свет рождественской комнаты как глубокое переживание возрождающегося Царства Христа.

Некоторые подарки лежат на столе, завернутые в красивую бумагу, изящно перевязанные, другие снабжены яркими открытками. Обертки подарков говорят о душевном тепле, с которым их укладывали. С обычаем прятать подарки в обувь или чулки дело обстоит иначе. Поступая так, мы словно вручаем малышам вещи на весь их жизненный путь, по которому их ножки в чулочках и башмачках идут в будущее.

Многие сооружают под елкой ясли. Тогда рождественское событие предстает перед глазами вполне ощутимым образом, одновременно рассказывая о духовном становлении человека, ибо образы Марии, Иосифа и Младенца в колыбели являют собой откровение воплощенной троиственности тела, души и духа. В Иосифе - старом, простом и верном муже - земное тело согнуто под бременем лет. Оно - явно самая старая часть человеческого существа. Юная Мария - человеческая душа. Ее одеяние окрашено в сияющий голубой и теплый красный тона; плод ее тела, Младенец-Христос, все вновь стремится родиться в нас. Пастухи со своими животными - вестники царства природы, посланные Ангелами. Они преклоняют колена перед посланцем небесного Света.

На Крещение по прошествии двенадцати священных ночей к яслям приходят три волхва, приведенные небесной звездой, со своими дарами: золотом, ладаном и миррой. С ними приходят к яслям три "царя" нашей души: мышление, чувство и воля. Они склоняют венчаные головы перед Возвышенным и приносят дары своих царств. Вместе с ними в бедный земной дом вступает все великолепие Небес.

Дети любят и чтят эти образы, чувствуют в них провозвестие внешней и внутренней действительности. Между тем они не прочь, хотя и очень осторожно, подойти поближе - и даже самые озорные мальчишки при этом утихают, - чтобы хоть слегка прикоснуться к фигурам, изображающим волхвов, пастухов и божественного Младенца.

Своего рода ожившие ясли представляют собой народные рождественские представления. Они были спасены от забвения Карлом Юлиусом Шрёером и с тех пор по инициативе Рудольфа Штейнера разыгрывались учителями вальдорфских школ и членами общины христиан в Дорнахе. И хотя эти пьесы проникнуты отнюдь не сентиментальным, а глубоко искренним рождественским настроением и потому подходят главным образом для детей, можно, однако, понять, когда родители предпочитают оставлять дома самых младших детей. Там они со свойственной им творческой и никогда не иссякающей фантазией и с помощью фигурок под рождественской елкой могут разыгрывать в воображении чудесные спектакли. Таким образом удовольствие от настоящего рождественского спектакля сберегается для них до школьного возраста.

В центре внимания на рождественских праздниках в наши дни стоит рождественская елка - символ того, что в земной ночи солнце Христа освещает всю природу своим сиянием, преображая ее. "Христово дерево" - не такой уж древний символ. Он был введен "в обиход во всем мире как благодатная традиция" (Р. Штейнер) в сравнительно недавнем прошлом.

Характерно, что рождественская елка вошла в обиход незаметно. Первым сообщил о ней противник этого обычая, который в 1642 г. писал, что рождественская елка - это всего лишь детская игра, а людям "лучше идти туда, где им возвестят истинное учение". Первая елка была поставлена в Страсбурге - городе, где за три столетия до этого Иоганнес Таулер* обращался к людям, воспламеняя словами их души. Именно содержание его захватывающих рождественских проповедей, его живое провозвестие Христа так прочно вошли в сердца людей, что из них могли черпать целые поколения И во время великих бедствий Тридцатилетней войны на оплодотворенной ими почве души вырос обычай ставить на Рождество елку, которая как его символ поразительно быстро распространилась сначала по всей Германии, а потом и в других странах.

* Немецкий христианский мистик XIV в автор много численных проповедей - Ред.

Рождественскую елочку можно украшать по-разному Часто она одевается только в белое. Рядом с бесчисленными белыми свечечками поблескивают "усыпанные снегом" еловые шишки и "ледяные" сосульки, а также блестки и серебряный "дождик" ("волосы Младенца-Христа"). Между ними могут сиять "золотые" звезды Из стройной благородной ели, на которой можно укрепить много свечей, может таким образом получиться особенно светлое рождественское деревце. Ближе к природе, однако, обыкновенная, разлапистая ель, которая напоминает о дремучем лесе. На ее густых ветвях развешивают огоньки, блестящие орехи и сладости. Она не так светла, как благородная ель, зато более самобытна и часто более любима детьми. Другие вешают на елочку красные яблоки, символы Адвента, а кроме того - свечи и различные пряники и печенья. А сверху льются сверкающие "золотые волосы", блестит множество золотых звезд и верхушка - увенчана золотым ангелом. Если елочка увешана планетарными знаками и розами, то для маленьких детей это прежде всего загадочные эмблемы.

Важно, что часть природы - "дерево" - стоит теперь в комнате, став носителем вновь засиявшего света Христа. В этом рождественском дереве лучше всего выражается тройственность хлеба (печенье), цветов света, причем по желанию может преобладать либо одно, либо другое. Посредством этих символов мы приветствуем друг друга как существ, наделенных телом, душой и духом, т.е. как людей.

Чем прозрачнее становится для нас символический смысл обычаев, тем лучше мы можем встраивать их в жизнь. Они несут на себе печать истины, ибо в них осуществляется соединение духовного света и земной силы. Нам еще долго придется пользоваться ими, прежде чем мы сможем найти нечто равноценное им.

О ПАСХЕ И ДРУГИХ ХРИСТИАНСКИХ ПРАЗДНИКАХ

Когда мы празднуем Пасху, праздник Воскресенья, то это означает, что темная ночь зимы миновала. Как полночь всегда бывает в одно и то же время, время восхода солнца перемещается день ото дня, так же самый темный час года всегда приходится на один и тот же час. Священная ночь, последняя из самых длинных ночей, наступает всегда 24 декабря, тогда как утренний час года, как и утренний час дня, постоянно смещается. Пасха выпадает на одно из воскресений между 21 марта и концом апреля. Казалось бы, это противоречит понятию настоящего "праздника", ведь праздники воспринимаются как нечто незыблемое, вокруг чего складывается все остальное. Они должны быть установлены раз и навсегда. Праздники - это остановка, пауза в потоке будней, твердая опора для организма года.

Создается впечатление, что Пасха не подчиняется этому мудрому мироустройству, будучи "подвижным" праздником. Ее день как раз не установлен - в обычном смысле - в кругу года точно; он, скорее, является узловым пунктом в обороте времен года, следующим за очередной решающей встречей Солнца и Луны в году. От этой встречи зависит время Пасхи, которое вычисляется исходя из дня начала весны, 21 марта, и первого за ним полнолуния. Следующее за ним воскресенье и есть Пасха. Таким образом, этот подвижный праздник указывает на то, что пребывает вне земного мира.

Свет, который "светит во тьме", - это всегда благодатный дар рождественской ночи, даже тогда, когда это событие так или иначе отзывается в человеческой жизни. Этот небесный дар предназначен для всех "людей доброй воли". Пасха же всегда есть новый итог внутренних борений и исходный пункт всякого становления. Новый свет дарован. Новой жизни надо добиваться самостоятельно.

Рождество требует от отдельного человека меньше ответственности. Без Пасхи человек, так сказать, остался бы неподвижно стоять, взирая на милосердие Бога-Отца. Такого рода религией и удовлетворяются многие люди. Они не осмеливаются полностью, по-настоящему, стать христианами, т. е., будучи самостоятельными в жизни, они отказываются от самостоятельности в религии. Они словно законсервированы в состоянии детства, забывая слова Евангелия от Иоанна: "Вы Мои друзья". Для детей Рождество, конечно, самый подходящий христианский праздник. Как праздник Земли, он обладает для них непосредственно притягательной силой. Стремящееся к воплощению в свою телесность дитя чувствует, что совершается нечто таинственное, и радуется теплоту дыханию Земли, осязаемому в многочисленных рождественских обычаях. В сравнении с Рождеством Пасха не столь близка ребенку, ибо Пасха - это праздник человека, уже ставшего индивидуальностью.

Троица почти полностью проходит мимо ребенка. Он в состоянии принимать участие в восприятии духовного пламени этого праздника только через взрослых. Красота юности и свежей силы является ему в терпко пахнущей березовой зелени, которой украшаются дома на Троицу.

Можно дать понять ребенку, что этот праздник принадлежит "большим". Его сияние должно исходить от них, отражаться в их поведении одновременно с пышным цветением майской природы. Солнечный свет словно несет в себе человеческое воодушевление, а нежный летний воздух пронизан какой-то тихой, целительной субстанцией.

Пасха для детей занимает среднее положение между Рождеством и Троицей. Самым маленьким мы можем рассказывать о ней намеками и, само собой разумеется, всегда лишь в той мере, в какой сами убеждены в ее истине. Вряд ли от детей этого возраста можно ожидать понимания Страстей Христовых и смысла Распятия. Ребенку недоступно внутреннее, интимное переживание страстей - ощущение одиночества и грусти на фоне расцветающей весенней природы. Зато они сполна ощутят, что в утро Воскресенья весенний мир словно залит чудесным светом, ибо Христос шагает по земле в новом, сияющем теле. Сказки о растениях Михаэля Бауэра - ценное введение к беседам о природе, ориентированным на понимание факта Воскресенья.

Подходящей для детей подготовкой к Пасхе могло бы стать, например, наблюдение в этот день за небом. Можно следить, как Луна округляется от вечера к вечеру, приближаясь к пасхальному полнолунью и к пасхальной неделе. Эта картина предпасхального неба прекрасна всегда, и все же мы предчувствуем, что это усыпанное звездами небо таинственно говорит о духовном содержании пасхального праздника. Что оно возвещает? Тонкий нарождающийся месяц в это время часто занимает почти горизонтальное положение. Поэтому неплохо посмотреть с ребенком на пасхальный месяц как на чашу, которая плывет по небу, скрывая в себе какую-то тайну. Иногда можно уловить намек на это в еле видной темной доле Луны, дополняющей сверху светлый месяц.

Рост зовущей к жизни силы солнца ко времени весеннего равноденствия является каждый год огромным событием. Мы чувствуем, как дни к началу весны (21 марта) становятся все длиннее. Видимый Путь Солнца по небу удлиняется быстрее, чем в другое время первого полугодия. Так весенний солнечный свет, словно рывком, набирает силу и власть.

Восприятие Пасхи как праздника космических масштабов можно подготовить, если каждый вечер наблюдать с детьми рост и, насколько возможно, ущерб пасхального месяца. Тогда Землю можно увидеть в особом космическом двойном освещении: солнечными и лунными лучами. Оно разгорается изо дня в день, останавливаясь и начиная слабеть незадолго, самое большее за шесть дней до Пасхи. Луна уходит все дальше от Солнца. Его видимый небесный путь теперь все растет, а Луны, наоборот, все сужается. Солнце поднимается, как победитель, отныне оставляя Луну под собой.

Так в это время особенно выразительно проявляется то, что постоянно в течение года повторяется из месяца в месяц. Солнце ярче, чем обычно, освещает Луну, словно желая сообщить ей свою юную силу. Так что же едва различимо несет в себе через все небо лунная чаша? Не затененный ли это до поры солнечный свет? Этот небесный образ лунной чаши с ее драгоценным содержимым находит свое отражение в символе Священного Грааля. В то время как внизу Земля собирается стать сосудом для Христа, наверху, в небе, встает космический знак Чаша Грааля - "космический пасхальный знак", как назвал его однажды Рудольф Штейнер. Над нами раскрываются последние страницы великой богослужебной книги, по которой на алтаре Земли Христос творит уникальное священнодействие. Мы незаметно должны направлять детское внимание к языку этих высоких образов, поистине способных окрылять душу. Они глубоко воспримут наши осторожные указания и тем самым подготовят себя к переживанию пасхальных событий.

По традиции Пасха всегда встречалась радостью, а сама встреча выражалась лаконично: появлением пасхальных зайцев и крашенных яиц. Мы знаем, как подобный забавный обычай обогащает праздник и помогает провести его с детьми содержательно и весело.

"Не превратилось ли и пасхальное яйцо в некий христианский символ?" - спросил как-то один учитель Закона Божьего. Ему, по-видимому, было неизвестно, что восточная церковь издревле почитает яйцо как символ христианства. Можно почувствовать нечто от лежащей в основе этого обычая истины, уже хотя бы глядя на пестрые яйца, скрытые в зеленой траве или выглядывающие из-под куста. Яйцо есть предварительная ступень жизни, новое начало, в котором заключены скрытые силы зачинающегося развития. Так, в финском эпосе "Калевала" мир возникает из яйца. Нижняя его половина - земля, верхняя - Небо, желток становится Солнцем, а белок - прохладной Луной. В непритязательном символе яйца предвозвещена и Пасха. Воскресение Христа есть начало грядущей эпохи в развитии человечества, а Его тело воскресения творит новую Землю: старой планете прививается свежий росток, в остывающую Землю погружается теплое семя Солнца, "чтобы и она некогда смогла стать Солнцем".

Отмирающему земному бытию посредством пасхального события сообщается новая сила. Весна и сама является началом нового, однако она - начало всего лишь кругооборота

года. В приходящей и вновь уходящей весне скрыто заключено начало вечного становления.

Желтым, синим, красным светом светятся пасхальные яйца на фоне зелени. Часто они бывают расписаны веселыми фигурками, иногда искусно обклеены пестрой бумагой, или на них пишут имена и украшают пасхальными изречениями, а то и шутками. Яиц как продуктов питания нам в этом случае недостаточно. В их красках и формах должна выражать себя и наша душа: пасхальное ликование и благодарность проявляются в красочной многоцветности яиц. Человек хочет всей душой участвовать в событии Пасхи - вот на что указывает крашеное яйцо.

Не смешно ли, что яйца приносит пасхальный заяц? Что общего у зайца с наседкой? Что общего у этого длинноухого малого с Пасхой? Заяц забавен со своими длинными ушами - "ложками". Он принадлежит к грызунам, он рыжевато-голубого цвета, как ком земли. Если в его меню нет ничего более привлекательного, то он вместе со своей многочисленной родней принимается за жесткую, сухую часть растительного мира и грызет ее своими желтоватыми острыми зубами. Поэтому ладный, проворный зайчишка - в то же время и опасный вредитель. Так, спрашивается, каким образом ему выпала такая важная роль на празднике Пасхи?

Судя по сказкам и пословицам, заяц - существо робкое и нервное. "Глупый зайчишка" прячется и дрожит от страха; его лучшее оружие - бегство. Он проводит свою жизнь, носясь вдоль и поперек без видимой цели. Но кое-чем он явно превосходит других грызунов: у него непревзойденное чутье; он непрестанно прислушивается и принохивается к тому, что происходит кругом; постоянно трепещет и вздрагивая, он отражает всякое внешнее движение, на которое подобно антеннам всегда нацелены его длинные уши.

Подобное свойство - разумеется, на совсем другом уровне - мы замечаем и в космосе. И там есть большое отражающее зеркало, которое, не имея собственного света, питается светом другого; которое "бежит" быстрее, чем прочие небесные тела. Луна в некотором смысле и есть небесный заяц. Поэтому китайское поверье видит на диске Луны не человечка, а зайца.

Как на небе к Пасхе Луна является в виде сосуда или чаши для новой духовной силы Солнца, так в народном обычае родственник Луне заяц становится разносчиком пасхальных яиц.

В самую Пасху заяц исчезает: он, как и Луна, нужен только для подготовки к празднику. Не сбежал ли он снова в соответствии со своим характером? Ведь и Луна на Пасху находится в ущербе, она "убывает".

Пасхальный заяц не только приносит яйца, он их еще и прячет. Зайцу, как и Луне, свойственно играть в прятки, а прятки - это всегда и поиск. Если перед Пасхой мы частенько глядели на небо, то теперь наш взгляд направлен к земле: искать надо там. Вообще с поисками связано одно особое обстоятельство. Уже в Рождество волхвы ищут ясли с Младенцем, но с еще большей тоской пасхальным утром три женщины ищут своего Господа и ученики - Учителя. Не являет ли собой жизнь мужественного человека поиски разгадок собственной сущности и собственной судьбы, поиски смысла жизни и Земли? "Кто не умеет искать так, как это может делать только жених, тот остается очарованным семикратной пеленой обмана": Кристиан Моргенштерн знал, что такое поиски. Воскресные службы для детей, проводимые в общине христиан, направляют малышей к этим поискам. Они учатся говорить: "Я хочу Его найти". Тем самым они переживают в душе переход от Рождества к Пасхе, от Бога-Отца к Христу. Когда они начинают находить Его в себе (это случается ко времени конфирмации), детские воскресные службы для них позади. К поискам добавляются теперь и находки.

Пасхальное яйцо - это дар весны, который желает быть искомым и найденным. Совсем маленькие дети лишь постепенно находят удовольствие в поиске, ибо малыш, окруженный и омытый природными жизненными силами, еще не отдален от вещей, а ведь

именно отдаление от мира вещей и явлений дает возможность выбора и является основанием всякой свободы. И порой, найдя яйцо, он хватается его не сразу, чтобы продлить для себя радость открытия.

Обставляя этот обычай конкретными деталями, можно обрести радость в той мере, в какой Пасха есть внутреннее переживание. Рождество - твердо установленный поворотный пункт всего земного развития; до него было старое время, а после него начался отсчет нового. Это и есть то духовное основание, которое только и дает возможность переживать событие Пасхи. Сама же Пасха, напротив, зависит от реализации отдельной человеческой душой принципа "умри и воскресни" и от победы духовного солнца над страхом смерти.

Праздник Иванова дня, отмечаемый в разгар лета, и осенний праздник Михайлова дня не могут значить для малышей слишком много, во всяком случае непосредственно, уже хотя бы потому, что все человечество только начинает обретать их для себя. А ребенок еще счастливо и беззаботно скачет, окрыленный духом весны. Летняя полнота полдня года и таинства вечера ему недоступны, однако он может воспринять то, что заложит в нем основы для понимания, слушая, как мы говорим об этих праздниках. Уже то обстоятельство, что он слышит, как родители и их друзья накануне Иванова дня выходят из дому в теплую летнюю ночь, оказывает на него сильное впечатление - тем более что там разжигается большой костер, пламя которого вздымается до самого звездного неба, а затем тлеет до первых лучей солнца, когда начинаются церковные обряды. Летнее тепло и пылающий до самого рассвета костер связываются в детской душе с именем Иоанна. Тем самым он соединяется с праздником в глубине своей еще дремлющей души. А в итоге к тому времени, когда он услышит о мировой миссии Иоанна Крестителя, у него будет готовая для восприятия ее смысла душа.

Если ребенка можно взять с собой в Иванову ночь, то это наверняка произведет на него особенно сильное впечатление. Он, конечно, может проспять большую часть ночи, укутанный в теплое одеяло, и все же почувствовать себя причастным к общему радостному возбуждению, к праздничному обществу, вместе с ним может следить за пыланием заходящего солнца, а может быть, и приветствовать его вместе со всеми, когда оно начинает подниматься над горизонтом.

И вообще прекрасно, если можно взять себе за обыкновение позволять при случае ребенку бодрствовать несколько дольше, чем обычно, чтобы вместе с ним в молчании рассматривать мерцающую вечернюю звезду или какую-нибудь планету или показывать ему хорошо видимое в данное время года созвездие - Ориона со вспыхивающим Сириусом, Большую Медведицу, Лебедя, Кассиопею или Льва. Иванова ночь предоставляет удобный случай для наблюдения за природой. Например, угасание красок с наступлением ночи, их пробуждение на заре или первая птичья песня поутру могут остаться в памяти на всю жизнь.

Праздник Михайлова дня осенью точно так же может дойти до малышей через нас. Нам, людям XX века, относительно легко найти к нему доступ, поскольку сам Архангел Михаил и является сейчас духом времени. Души, которые теперь вступают в свою земную жизнь, в сущности, стремятся к встрече с направляющим время духом.

Если во времена Иоанна духом времени был указывающий на переломный момент эпохи Креститель, то теперь нужно по возможности познакомить ребенка с мощными проявлениями Архангела. Даже у невнимательного ребенка запыхают щеки, если мы расскажем ему о Том, кто мужественно выступил против дракона и победил его. Об этом превосходные сказки, например, сказка "Два брата" братьев Grimm, изображающая эту битву, а также легенды о святом Георгии, земном отражении Михаила. Дети любят и Михайловские песни (например, "Непо-бедимый Михаил, архистратиг Небесных сил"), которые в эти педели можно распевать или разыгрывать вместе с детьми. Важно, что дети научатся ощущать порог осени, на котором стоит Михаил, защитник людей. Время, когда детям по вечерам приходится играть дома, потому что солнышко рано "отправляется

спать", когда холодный ветер свистит вокруг дома и срывает листья с деревьев, когда туман стелется по земле, - это время принадлежит божьему воину Михаилу. Его сверкающий меч - ответ на ползучие волны удушливого тумана, его блистающая золотом кольчуга освещает мрачные дни, его победный клич заглушает рев бури.

После суровых Михайловских дней уже появляются предвестники Адвента. Закругляется венок года, на котором, подобно свечам, горят христианские праздники. Малыши всегда в гуще праздничных событий, которые вплетены в природный год как духовная связующая нить. Они могут жить от праздника к празднику, радостно отдаваясь их приливам и отливам.

Дети неотделимы от всего человечества. Христианские праздники - это общечеловеческое достояние, и уже потому они близки детям по самой их природе. Они являются в различнейших, весело расцвеченных обычаях и в таком облачении становятся достоянием целого народа. Однако как именно проводить праздник, в конечном счете определяет вся семья. Вместе с праздником в детскую жизнь словно заглядывает весь великий и просторный человеческий мир, определенным образом отраженный в обычаях своего народа и индивидуально оформленный родителями. Он обращается к тем, кому довелось стать детьми именно в этом доме, в этой стране, в эту эпоху.

СОВЕТЫ ПО ВОСПИТАНИЮ ВОСПИТАТЕЛЯ

"Поскольку первое правило для того, кто хочет что-то давать, гласит, что он сам должен иметь, что давать, то и религию может преподавать лишь тот, у кого она есть". К этому высказыванию Жан-Поля нам хотелось бы добавить: каждый может пробудить религиозное чувство в другом человеке лишь в той мере, в какой он сам завоевывает его для себя все снова.

Христианство живет в становлении, а не в обладании. "Кто трудится в вечном стремлении, того мы можем спасти". Сколь многим это обетование Фаусту стало направляющим и побуждающим! Чувство ответственности и радость, испытываемая при воспитании ребенка, требуют и от самого воспитателя постоянного внутреннего продвижения вперед.

Глядя на детей, родители всегда имеют перед глазами будущее человечества. Поэтому они особенно отчетливо переживают потребность в развитии собственной души. И поскольку из-за требований, возникающих в связи с малышами, именно им будет трудно найти в себе силы для самовоспитания, необходимо все же решиться подняться над одолевающими их многочисленными обязанностями. Глядящему со стороны может показаться, что необходимые для этого затраты времени - ненужная роскошь. Кое-кто предпочел бы уклониться от самовоспитания, ссылаясь в свое оправдание на то, что он и так прирожденный воспитатель. Но хватит ли такого "дара" в воспитании современных детей на целые годы, в течение которых у занятой по горло матери не остается ни свободной минуты?

Насколько оправданно возражение насчет чересчур обременительных обязанностей, знает каждый, кому приходится воспитывать детей; ну а тот, кто хочет заниматься еще и самовоспитанием, и подавно попадает в весьма затруднительное положение.

Прежде чем дать несколько совсем простых советов по этому поводу, упомянем об одном основополагающем факте. Силы сердца, с которыми прежде в инстинктивной мудрости подходили к воспитанию, иссякают. Поэтому перед нами возникают новые возможности, которые могут заключаться лишь в активном осознании того, что прежде происходило при помощи душевного проникновения в детскую натуру. Мы должны как раз в этой области научиться соединять силы сердца и разума, если вообще хотим решать вопросы воспитания.

Самовоспитание зависит не столько от того, сколько свободного времени оставляет человеку его работа, сколько от силы желания продвигаться вперед. При этом жизнь

всегда дает какие-то маленькие возможности, которыми можно воспользоваться, указания, которые можно уловить. Горнее обращается к дольнему [высшее Я к низшему Я человека]: "Время еще осталось!" Это во многом относится и к развитию личности. Если однажды вы нашли в себе мужество, чтобы попытаться исправить свои некрасивые душевные качества и неприглядные черты своего характера, не надо тотчас слишком круто браться за дело. Необходимо здраво поразмыслить и не требовать от себя большего, чем, вероятно, сможешь выдержать.

Вместо того чтобы постоянно копать в своих слабостях, гораздо важнее обратить внимание на общую внутреннюю созидательную работу. Если ее проводить серьезно, то кое-какие из наших нежелательных качеств со временем исчезнут сами собой. В основополагающих работах Рудольфа Штейнера и Фридриха Риттельмайера содержатся многочисленные импульсы для этой работы. Здесь мы ограничимся несколькими сжатыми практическими рекомендациями относительно задач, встающих перед молодыми родителями.

Самовоспитание предполагает прежде всего возвращение в себе чувств благоговения и почитания. Эти качества соединяют человека с окружающим миром, раскрывают ему глаза, сообщают чуткость, располагают его к доброте. В каких бы обстоятельствах нам ни удалось воспламенить в себе это основное чувство человеческой души - а ведь мы можем развивать его по поводу самых будничных вещей, - вскоре мы заметим целительное действие, которое от него исходит. Благодатное тепло проникает в нас вплоть до физического уровня, и мы по праву ощущаем, что еще немного вырастили в себе человеческое начало. Фридрих Риттельмайер, для которого почитание стало стихией его жизни и который умел с ним обращаться как никто, сказал о нем: "Почитание есть теплая материнская оболочка, в которой созревает ядро человеческого существа. Почитание есть возвращение... Если почитание пронизывает человека, как жар сердца, то пробуждаются все дремлющие в зародыше силы. Даже закосневший человек вновь приходит в движение и начинает духовно расти. Никакое "почитание героев" не приведет человека к тому, чем он должен стать. А "почитание святых" есть указание на нечто совсем иное. В новом свете видим мы Христа, когда узнаем, что Он дан нам для глубочайшего почитания. Не только для исповедания, не только для молитвы, но для глубочайшего постоянного почитания". Так может говорить только тот, для кого почитание стало источником жизни.

Упражняясь, человек постепенно будет усваивать это качество день ото дня все глубже, приобретая уверенность в том, что тем самым закладывает хороший фундамент для своего дальнейшего духовного развития. Чем продолжительнее мы будем упражняться, тем увереннее будет действовать наш дух. Современному человеку с его склонностью все критиковать и мерить мерками интеллекта очень трудно освободиться от своей обособленности от мира, ограниченности. Можно, например, предпринять следующее: каждый день некоторое время отдавать свое внимание дереву, растущему на заводском дворе или перед окном конторы, мысленно погрузившись в воплощенную в нем полноту жизни, или поставить перед собой задачу каждый день обнаруживать в своем окружении нечто достойное благодарного восхищения. Воспитание благоговения обладает хотя бы даже тем смыслом, что благодаря ему требования, предъявляемые нам жизнью, будут казаться нам не столь жесткими. Ведь тогда в нашей не всегда полностью удовлетворяющей нас профессиональной деятельности появится тайная, нами самими установленная цель, к которой мы стремимся и которая дает нам новые силы; мы утратим свои предубеждения и сможем практиковать терпимость. Внимание к внешнему миру сделает нас менее эгоистичными, ибо мы научимся отказываться от себя (твердый орешек для нас!), вдохновившись внутренним теплом, свойственным чувству почитания, мать может следовать за кипучей жизнью детей, с их восторженной любовью к земле, разделяя ее вопреки своим годам. Жан-Поль прав, говоря: "Почитание дает нам способность не только восходить по ступеням, но и летать". Человеку, стремящемуся развить в себе чувство почитания, всегда легче найти подход к малышам. Они тянутся к таким людям и

благоденствуют в окружающей их атмосфере искренности и душевной теплоты. Повторение - второе необходимое требование к самовоспитанию. Если набивать желудок битком, а потом целыми днями оставлять его пустым, то это приведет к болезни. Так же по-варварски мы ведем себя по отношению к своей душе, предлагая ей подобный режим питания и не обращая при этом внимания на ее протесты. Как часто мы, забыв о прежних неудачах, набрасываемся на какие-нибудь духовные упражнения - и очень скоро остаемся без сил! Для внутреннего развития это опасный эксперимент, и тот, кто на него отваживается, не представляет себе всех последствий такого легкомыслия. Мы все знаем, например, в себе такое свойство, как поверхностный интерес то к одному, то к другому, в противоположность способности к настоящей любви. В своем постоянном стремлении ко всему сенсационному, исключительному современное сознание упускает из виду, что всякое произрастание и становление протекает в ритмичных повторениях. Терпеливым повторением мы упорядочиваем свои жизненные силы, которые иначе пошли бы, что называется, в ботву, проявились бы в одичании чувств и необузданности воли, которая вложена лишь в личные желания. Вот и от детей мы ожидаем немедленного выполнения наших требований. О, это желание новизны! Но, именно неустанно повторяя одно и то же, мы закладываем в детей то, чем хотим помочь им на их жизненном пути. Вообще в тщательно выполняемых и, казалось бы, безрезультатных ритмических упражнениях мы можем достичь весьма многого в душевной жизни в смысле силы и формы. Это важно для того, кто легко впадает в нетерпение, ослабляет внутренние усилия, предпочитая отказаться от них вовсе. Даже если мы никогда не доведем свою внутреннюю работу до настоящей молитвы или подлинной медитации, в постоянно и честно возобновляемых попытках, в ежедневных новых усилиях постепенно формируется то, что духовным миром может быть воспринято как наш вклад в поступательное развитие мира. Кроме того, повторение представляет собой прекрасный способ экономии сил. Поговорка гласит: "Капля камень точит". Того, что невыполнимо сразу даже при крайнем напряжении сил, удастся достичь повторением. И тогда получится все, что мы предпринимаем с намерением стать духовно совершенными людьми.

Регулярная застольная молитва (нет необходимости произносить ее каждый раз, садясь за стол; можно делать это только перед обедом), регулярная медитация, по возможности регулярное посещение богослужения могут стать органами здорового духовного организма, который, будучи вызван к жизни нашей свободной волей, начнет функционировать все активнее. Со временем такие усилия формируют большую уверенность в чувствах, непоколебимый покой в глубине души, силу в выполнении решений. Мы станем лучшим примером для детей по мере того, как наша рассеянность и нервозность постепенно сменяются собранностью и определенностью. До семи лет и даже несколько дольше на ребенка вряд ли производит особое впечатление рассудительность окружающих его взрослых. Для него гораздо большее значение имеют их жизнерадостность, дружелюбие и вообще все их существо в целом, щедро излучающее любовь, что бы они ни делали и ни говорили.

Теперь хотелось бы предложить несколько советов для желающих взяться за самовоспитание. Для очень занятых - к ним относятся прежде всего матери - хорошо было бы усвоить большую подвижность, заключающуюся в готовности использовать любые жизненные ситуации для своего внутреннего развития. Ежедневно повторяющиеся события вызывают к нашему терпению и нашей выносливости и потому особенно пригодны для того, чтобы стать исходными пунктами для внутренней работы. Все дело лишь в том, чтобы правильно использовать эти обстоятельства.

Особое внимание надо обратить на время засыпания и пробуждения. Тогда можно относительно беспрепятственно и весьма действенно посвятить себя собственной душевной работе. Рудольф Штейнер предлагал использовать для вечерней работы ретроспективный обзор прошедшего дня. Тот, кто пытался им заниматься, знает его

укрепляющее действие. Человек мысленно проходит день с вечера до утра, вызывая в памяти его события - но в обратном порядке! - по возможности точно.

Нет необходимости начинать с самого сложного, запутанного; хорошо, если удастся "крупными шагами" добраться до ближайшего прожитого утра прежде, чем вас одолеет сон. Это упражнение дает своего рода власть над реальными событиями дня. Мысленное возвращение назад закаляет силы, которые сопровождали человека в течение дня, оставаясь незамеченными, и которые можно назвать "формообразующими силами", или "жизненным телом".

Кое-кто может возразить, что после дневной суматохи такое напряжение человеку не по силам. Если дело обстоит так, то можно посоветовать каждый вечер готовиться к переходу из дневного мира в ночной посредством соответствующего чтения. Для этого преимущественно подходят книги, в которых в краткой художественной форме выражено духовное содержание: стихотворения Новалиса, Фридриха Рюккерта, Кристиана Моргенштерна, К. Ф. Майера, Альберта Штеффена, Фридриха Дольдингера, "Херувимский странник" Ангелуса Силезиуса. Этот список, естественно, можно продолжить.

Многие люди, смертельно устав за день и добравшись наконец до постели, охотно хватаются за газету или роман. Легкое чтение действительно, снимает дневное напряжение. Для него не нужно утруждать себя; словно приятное опахало, оно освежает после дневного пекла. Оно переключает - без всяких усилий со стороны человека - на "другие мысли", тогда как трудная, серьезная книга возбуждает, не позволяя спокойно заснуть. Каждому, разумеется, необходимо взвесить собственные возможности, и все-таки да будет услышан совет - по крайней мере самые последние впечатления дня хорошо было бы почерпнуть из другой области. Пусть к исходу дня наши мысли вернуться к нашим спящим детям, и мы еще раз передадим их попечению их ангелов-хранителей или мысленно обратимся к интересной встрече, состоявшейся в этот день.

В конце дня самое полезное для нашей душевно-духовной природы - вознестись в молитве к тем силам, в пределы которых мы собираемся войти. Путь в эту область указывают первые пять стихов Евангелия от Иоанна и молитва самого Христа - "Отче наш". Тот, кто предпочитает личные молитвы, должен, во всяком случае, позаботиться о том, чтобы она соответствовала духу Того, Кто учил молиться: "Да будет воля Твоя".

Очень многое будет зависеть от того, насколько творчески мы сможем подойти к вопросу самовоспитания. Следующие скупые намеки помогут представить себе, сколь разнообразные возможности открываются перед нами в этой сфере. Можно сделать семь дней недели как бы вратами к семичленному миру в себе: либо созерцая в каждый день недели отблеск правящей им звезды: в субботу, воскресенье и понедельник - Сатурна, Солнца и Луны, во вторник и среду - Марса и Меркурия, в четверг и пятницу - Юпитера и Венеры; либо каждый день медитируя над одним из семи выражений "Я есмь" Евангелия от Иоанна.

Одно весьма ценное воспитательное средство заключается в том, чтобы при случае перед сном представлять себе доверенного вам ребенка со всеми его недостатками и проследить самые потаенные проявления его воли к жизни. Кое-что из того, что мы таким образом исправим в нем про себя, может вскоре измениться в ребенке и внешне. Так моральное воспитание детей этого возраста вполне может стать удобным случаем для нашего самовоспитания. Например, страху в детской душе можно противостоять, преодолевая собственную боязливость.

Одна мать обнаружила, что, если проснуться утром на несколько минут раньше ребенка, это будет вознаграждено совершенно неожиданным образом. Это дело нелегкое, но оно дает невосполнимую возможность, приносящую непредвиденные плоды. Прежде всего, если ранним утром, затаив дыхание, вслушаться в атмосферу дома, в котором живут дети, то это может привести к настоящим открытиям. В такие моменты можно пережить то, что заглушается поднимаемой детьми суматохой: дуновение ветра, пение

птиц, просыпающуюся жизнь улицы. В час утренней свежести можно поразмыслить о том, как, должно быть, смотрит на детей их ангел-хранитель, и спросить себя: как он относится к жуткому упрямству Кристофера или к ужасной надоедливости Урсулы?

В какой-нибудь из дней недели мать может взять себе за обыкновение размышлять о судьбе своих детей, словно отдавая каждого из них с особым чувством в руки ведущего его духовного существа. При этом она смотрит на задачу, которую она сама должна выполнить, как бы сверху, словно наблюдая кого-то другого со стороны: что я могла бы ценить в этом человеке, чем восхищаться в нем, что презирать и ненавидеть? О чем я сожалею и чему завидую в этой судьбе? По субботам она берется, например, вспоминать прежде всего об умерших близких людях и направлять в ту сферу, где они теперь обитают, добрые пожелания. По воскресеньям ее мысли могут обращаться к крестным родителям ее детей, к родственникам и друзьям Эти утренние минуты, решительно вырванные у сна, могут стать для нее тихой святыней, которой она вскоре не захочет больше лишиться.

Во всех искренних усилиях и собственных находках, связанных с самовоспитанием, содержится неоценимая польза, а именно сознание того, что в подобных устремлениях мы связаны с другими людьми. Имея в виду их и свою ответственность перед ними, легче переносить ежедневные испытания. Ведь мы все больше начинаем чувствовать, как наш отказ от работы над собой отягощает других людей, а наши победы идут на пользу и им. Так, группа людей, которые едва знакомы, но связаны в своих душевных устремлениях благодаря внутренней работе, может стать общиной христиан.

Многие из тех, кто пошел по такому пути воспитания, с большой благодарностью обращаются к церковным таинствам. Они всегда будут нам надежным мериллом для оценки наших внутренних усилий. Смогут ли эти люди выстоять перед их ясной силой, действующей по ту сторону эгоизма?

Из сказанного уже видно, что внутренняя работа не может быть бесполезной тратой времени. Напротив, замечательно то, что благодаря ей мы даже экономим время, ведь после таких упражнений многое будет у нас легче спориться. Мы будем спокойнее и ровнее руководить детьми, они станут охотнее слушаться и меньше противиться Мы должны стать настоящей опорой для малышей в их подвижной жизни. Все домашние дела, всякая домашняя работа будет идти как по маслу.

Утренние и вечерние упражнения в самовоспитании помогут нам предотвратить кое-какие безрассудства, которые иначе могли бы сыграть с нами не одну злую шутку. Эти тихие занятия сняли бы с нашей души ту тяжесть, которая зачастую обременяет домохозяйек и матерей, все свое свободное время жертвующих детям. "Ах, я бы так хотела сделать сегодня что-нибудь для себя!" - такая мысль нередко возникает у них в глубине души. Но благодаря внутренней работе они это и делают. Они продвигаются вперед, и к тому же гораздо более действенно, нежели в результате усердного изучения какой-нибудь книга. Постижение своих судеб в их непосредственной данности становится для них образованием.

Таким образом, самообразование предстает перед нами в четырех аспектах. Мы стремимся развить в себе благоговение и почитание по отношению к окружающему миру как основное чувство. Тем самым мы приближаемся к детям с их интересом и любовью к мельчайшим земным вещам. И здесь важное условие - повторение. Воспитатель таким образом приобретает внутреннюю силу, на которую может опереться подражающий ему ребенок. Многообразие наших внутренних усилий соответствует детской подвижность, нашему воодушевлению - его дар фантазии. Это воодушевление все вновь дает нам силы и мужество для духовного развития, пронизывая его элементом творчества и изобретательности. Может быть, стоило обозначить это качество - в смысле "Философии свободы" Рудольфа Штейнера - как "моральную фантазию", позволяющую нам наилучшим образом (хотя и на другом уровне) приблизиться к наделенным богатой фантазией маленьким детям.

То, чего мы хотим достичь в себе, соответствует четырем основным способностям малышей. Наше самовоспитание становится весьма существенной, может быть, даже существеннейшей частью всего воспитания малышей. Без него всякое, даже самое искусное руководство было бы тщетным.

Это внутреннее напряжение делает нас в подлинном смысле этого слова "стражами" наших детей. Здесь можно обратиться, несколько перефразировав его, к высказыванию Шиллера о растениях: "Стань волей для того, кто лишен своей воли". Как родители и воспитатели мы должны стать для детей духовными крестными родителями, чтобы ввести их в общину Христа на Земле.

О МИРЕ СТАНОВЛЕНИЯ

Эти размышления с самых различных сторон подвели нас к области жизненных сил, ибо именно в ней обитает ребенок в течение первых семи лет жизни, постепенно связывая себя с Землей. Особенность его мира заключается в присущих ему таинственных силах обновления. В то время как маленький ребенок естественным образом живет в этой эфирной формирующе-созидательной сфере, более закованному в своем теле взрослому приходится восходить к ней, используя свою волю. То, что ребенку достается как дар с его божественной родины, взрослый может завоевать лишь сознательно направленными усилиями. Если он хочет вести доверенного ему маленького человека и руководить им в соответствии с его возрастом, он должен посредством самовоспитания сделать себя пригодным для этой поистине священной задачи. К этому могут вести самые различные пути. Один способен подняться в эту сферу, регулярно практикуя молитву, другой предпочтет упражняться в ясном, сильном мышлении. Третий, может быть, начнет с очищения души или с того, что научится безропотно принимать и переносить свою судьбу. Дело всегда заключается в том, чтобы найти в себе настойчивость и мужество, необходимые для "обращения" и по своей свободной воле предпринять определенные усилия в этом направлении. Таким путем можно выйти из земной сферы в сферу, расположенную между физическим и духовным мирами. А это - сфера постоянного становления. В ней взрослый человек встречается с детским началом. Иисус Христос сказал: "Если вы не обратитесь и не станете, как дети, не сможете достичь Царства Небесного".

Такое знание имеет сегодня особый вес, ибо сфера, граничащая с физическим, поколеблена в своих основах не менее, чем видимый мир. Это можно наблюдать повсюду. Старые обычаи и традиции, которые всегда коренились в стихии жизни, забыты. Зато формируются и входят в обиход новые. Образ жизни меняется удивительно быстро.

Встречается все больше людей, обладающих первоначальными познаниями и опытом в мире животворящих сил, и прежде всего в религиозной области. Число подобных признаков "прорыва" множится. Неслыханные культурные потрясения указывают на мощные преобразования и в области жизненных сил.

В разгар сильнейших мировых потрясений Христос придет снова, а именно "в облаке", говорит нам Лука: "И будут знамения в солнце и луне и звездах... силы небесные поколеблются, и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою" (21, 25-27).

Облака прячут между небом и землей. Они по самой своей субстанции суть явление переходное - от видимого к невидимому. Как легко воображение лепит из них то возникающие, то исчезающие образы! Их постоянные превращения словно обращены к внутренней подвижности человека, к области, связывающей земное тело с душевно-духовной сферой. Наше собственное эфирное, или формообразующее, тело состоит в тесном родстве с облаками во внешнем мире. И то и другое представляют собой поприще эфирных сил. Именно в этой "облачной сфере" станет доступным переживание Христа в наши дни.

Однажды в ходе истории Иисус Христос в течение трех лет - с Крещения в Иордане до смерти на Голгофе - пребывал в физическом теле. Но вернется Он на землю, явившись в пограничной с ней сфере "облачности", в сфере действий жизненно-эфирных сил. Вот почему эта область бытия приобретает сегодня огромное значение: в ней нам предстоит получить права гражданства, если мы хотим идти в ногу с тем, что уже разыгрывается в решающих мировых событиях, и с тем, что еще предстоит.

Правильное, опирающееся на подлинную действительность обращение с малышами уже само по себе поможет многим впервые ощутить эту сферу. Близость детей постоянно побуждает нас к постижению области формообразующих сил. Мы и не представляем себе, насколько обязаны духовному миру, все вновь открывающемуся нам через вступающих в земное бытие детей, в раннем возрасте еще окутанных небесной оболочкой. Они помогают нам более осознанно переживать сферу жизнесозидающих сил. Ибо дети доверяются не просто тем, которым суждено стать их родителями. В сущности, они вызывают ко всем людям, которые служат делу приготовления будущей жизни на Земле.

ДОПОЛНЕНИЯ

Для более глубокого понимания темы этой книги важно осмыслить те новшества в области естественных наук и техники, которые с невероятной быстротой захватили и теперь определяют различные жизненные сферы человечества. Они дробят единый человеческий образ, вырывают из него ту или иную черту, а остальные его качества и определяющие свойства либо отодвигаются на задний план, либо вовсе остаются неучтенными.

Человек специализируется, детерминируется своими физическими функциями, и его духовное существо игнорируется. Такое положение вещей предоставляет религии роль сомнительных подпорок для физического бытия и провоцирует желание упразднить как ненужные костыли самосознания религиозное воспитание ребенка, а вместе с тем и весь духовный образ мира. В рамках нижеследующих рассуждений невозможно вполне осветить все вредное влияние, которое подобное отношение к религии оказывает на малышей. Однако представляется существенным дать хотя бы беглый обзор тех опасных влияний, которым - часто из-за неведения взрослых - подвергаются наши дети.

Один из первых призывов, которые можно сегодня обратить к родителям, состоит в том, чтобы как можно раньше начинать относиться к ребенку как к самостоятельной личности и вести себя соответствующим образом. Порой можно услышать, что ребенок - "замаскированный" взрослый. Тот, кто придерживается такого взгляда, воспринимает ребенка чисто интеллектуально, а не душевно. Насколько его благодаря этому игнорируют именно как личность, втискивая в чуждые всему его существу рамки, при этом нисколько не замечают. Кое-кто предостерегает родителей от авторитарных действий. Если бы под ними подразумевалось только жесткое морализирующее воздействие, это указание было бы, разумеется, правильным. Но здесь речь идет о том, чтобы вообще устранить отца и мать как примеры для подражания. Естественно связывающая детей с родителями потребность подражать им с любовью и уважением тем самым в значительной мере оттесняется, побуждая ребенка к несвойственной ему замкнутости. В результате он чувствует себя одиноким, покинутым. Сколь решающую роль играет подражание в жизни ребенка, уже сказано в этой книге. Дополним слова автора цитатой из Рудольфа Штейнера: "В период от рождения до шестого или седьмого года ребенок предрасположен полностью отдаваться своему ближайшему человеческому окружению и, руководствуясь инстинктом подражания, формировать собственные способности. С этого момента душа ребенка открывается для сознательного восприятия воздействий со стороны воспитателя и учителя, основанных на их естественном авторитете. Этот авторитет ребенок принимает, руководствуясь смутным ощущением того, что в воспитывающем его взрослом человеке живет нечто, что должно жить и в нем. Не может

быть учителем или воспитателем тот, кто не в состоянии руководить ребенком с полным пониманием этого факта, кто не учитывает, что именно стремление ребенка к подражанию преобразуется позже в способность к усвоению в самом широком смысле.

Основанное лишь на изучении природы жизневосприятия современного человека не в состоянии полностью осмыслить эти реалии человеческого развития. К ним с должным вниманием может обратиться лишь тот, кто научился воспринимать деликатнейшие проявления человеческой природы"*.

То, что здесь сказано о школьном воспитании, относится и к первым воспитателям ребенка - родителям.

* Рудольф Штейнер. Педагогические основы Вальдорфской школы.

В том же направлении, что и требования антиавторитарного воспитания, указывают и попытки демифологизации детского сознания. Лист, гном, пасхальный заяц, св. Николай, Младенец-Христос и т.д. осуждаются, представляются как небывальщина. Считается признаком отсталости или мешанства знакомить детей с этими образами, столь близкими им, поскольку они родственны тем образам, среди которых дети пребывали в доземном существовании. Любому непредвзятому наблюдателю должно бросаться в глаза, насколько естественно маленький ребенок обращается с этими образами. Благодаря своей еще неискаженной связи с духом он уверенно ощущает реальность или нереальность того, что входит в его первый земной опыт. Стремление столь радикально преобразовать мир представлений, а вместе с тем и ощущений, связано с особенно практиковавшейся в прошлом столетии перелицовкой духовно непреодоленных табу. Критическое отношение, которое взрослый выказывает сегодня по отношению к ребенку, обязано лишь его собственному нездоровому мировоззрению. Все, что связано, например, с преждевременным сексуальным просвещением, представляет собой еще и попытку искоренить в следующем поколении свои собственные ошибки, собственную робость, закомплексованность.

Дегенерация в духовной сфере зашла уже настолько далеко, что фундаментальная интуиция - когда и при каких условиях учить детей - почти полностью утрачена. Поскольку проявления душевной жизни ребенка бывают непосредственно связаны с каким-то преждевременным или вовсе не желательным для него впечатлением очень редко, то родители часто теряют возможность видеть общие взаимосвязи. От неподходящей пищи ребенок может защищаться рвотой; а неподходящая в душевном отношении, поскольку сознательная защита здесь еще невозможна, скапливается и годами вытесняется в бессознательное. И лишь со временем проявляются вредоносные психические или физические последствия. Вряд ли, например, кому-нибудь придет в голову кормить грудного младенца телячьим жарким. Детский организм не обладает способностью усваивать такого рода химические соединения; ребенка сразу скрючило бы, попробуй он проглотить хоть кусочек. Однако же "твердую пищу" духовного рода в виде совершенно оторванных от реальности интеллектуальных требований многие сегодня признают пригодной для усвоения детьми.

Часто приходится слышать возражения: ребенок, мол, как раз открыт для интеллектуальных занятий - уже в 4-5 лет он охотно учится читать и даже считать. Совет не знакомить детей с техникой слишком рано многие родители отвергают с улыбкой. Дети якобы прямо-таки одержимы страстью к техническим игрушкам: автомобилям и самолетам с дистанционным управлением, электрическими железными дорогами, "ходунками". То, что эти игрушки выглядят точь-в-точь как настоящие предметы взрослого мира, так прекрасно выполнены, и составляет их притягательную силу. Малыши должны, мол, знакомиться с прогрессом своевременно и т. д.

Действительно, большинство детей сегодня на удивление рано приобретают способность к рассудочному восприятию. Многие родители смотрят на это с гордостью, полагая, будто именно их дети проявляют "необычайные" способности. Но ведь в этом направлении сдвигается и "обычное". Это раннее развитие рассудочных способностей может быть связано или с тем, что у детей есть врожденная предрасположенность, или

уже в младенческом возрасте настолько подверглись воздействию интеллектуальной атмосферы в доме, что с успехом акклиматизировались в ней. Но преждевременную готовность к интеллектуальным упражнениям следовало бы рассматривать как предрасположенность, опасно нарушающую душевное равновесие ребенка. Но заложить гармонические основания для дальнейшего правильного взаимопроникновения мышления, чувствования и воли, для энергичного роста индивидуальности при преждевременном пробуждении интеллекта и чрезмерных душевных нагрузках невозможно.

"Там, где в детстве слишком мало обращались к душевным переживаниям ребенка и потому они слишком слабо запечатлелись в теле, там они и позже не в состоянии пробиться через тело к окружающему миру. Это проявляется в тупости и понижении умственного уровня, в недостаточном усвоении всего духовного и этического, в слабой коммуникабельности, в скованности движений и т. д. Там, где телу ребенка навязываются неправильные приемы, где ему угрозами прививается неуверенность в своих поступках, там позже развивается ущербность личности и душевные заболевания. Причины определенной части юношеских самоубийств коренятся в детстве, лишенном защищенности и любви. Ребенок не воспринял те способности, с помощью которых он мог бы вступить в правильные отношения со своим телом. И тогда молодому человеку не хватает уверенности в себе и доверия к жизни.

Такие оставляющие глубокие следы воздействия особенно опасны для детей до седьмого года жизни. До этого момента его душевная жизнь полностью протекает в связи со стимулами, исходящими от тела. Затем она возвышается до свободной внутренней деятельности, так что ребенок отныне может, например, произвольно репродуцировать свои переживания в образах воспоминания. Это уже такое душевное переживание, которое не зависит от внешних побуждений и занятий и разыгрывается во внутреннем пространстве сознания, закладывая основы для созерцательной и интеллектуальной сравнительной деятельности. Лишь теперь можно переходить ко второй фазе обучения, замечая, что целесообразно в нее включать. Это все то, что человек приобретает как представления, переживания и способности, уже не обращаясь к элементам своего окружения, но обзревая связи различных фактов, постигая их смысл и закономерности"*.

* Ernst-Michael Kranich "Die Notwendigkeiten und Problematik der Vorschuldidaktik" Im Sonderheft der "Emelungkunst", Mai/Juni 1969, Verlag Freies Geistesleben, Stuttgart.

С первого до седьмого года жизни ребенок живет, словно укутанный в оболочку родного дома. Его жизненное тело находится в постоянном движении, он переживает окружающий мир, не обособляясь от него. Постепенное дистанцирование в нормальном случае начинается лишь около времени смены молочных зубов; тогда ребенок уже готов к обучению: "К этой сфере обучения относится, к примеру, чтение. Когда ребенок учится читать, ему прежде всего приходится установить для себя связь между письменными или печатными знаками и звуками речи. Это деятельность другого уровня, нежели обычное восприятие и речь. Цветок, например, есть образ, от которого ребенок получает непосредственное впечатление; слово для ребенка накрепко связано с соответствующим предметом. Письменный же знак получает значение лишь тогда, когда ребенок придаст сам ему это значение; без соединения с определенным звуком он останется бессодержательным образом... Сегодня уже никто не сомневается в том, что детей уже до семилетнего возраста можно учить читать и что благодаря чтению дети становятся разумнее и интеллигентнее. Однако против такого раннего обучения чтению и связанного с ним интеллектуального развития хочется возразить, задав его сторонникам вопрос: что, по их мнению, значит для ребенка тот факт, что он уже во время первой фазы обучения должен развить необходимую для чтения деятельность, т. е. много тренироваться в чтении?"

Тут надо различать такие следствия, которые влечет за собой нецелесообразное форсирование тренировки в чтении - заикание, недержание мочи, *pavor nocturnus* (ночные

страхи) и многое другое, - и те, что связаны с самим фактом преждевременного обучения чтению.

Сегодня еще рано говорить об этих воздействиях, исходя из непосредственного наблюдения; вникая же в закономерности человеческого развития, это вполне можно сделать. Ведь один из основных фактов в этой области - как раз то, что до семилетнего возраста содержание обучения сильно воздействует на формирование соответствующих органов. Как детские представления, которые образуются при восприятии образов, оказывают влияние на формирование мозга, так и необходимая ребенку при обучении чтению интеллектуальная активность накладывает на него свой отпечаток... Эти отпечатки будут определяющими для той духовной деятельности, которая на основе содержания представлений выявляет закономерности и мысленные связи, т.е. для человеческого мышления; а через восприятие отпечатки влияют на формирование памяти и воображения.

Чтобы точнее понять влияние, оказываемое на мышление, надо рассмотреть деятельность интеллекта при обучении чтению. Он носит чисто функциональный характер и в сравнении с истинной разумностью представляет собой нечто духовно искаженное. Разум полностью пробуждается к жизни тогда, когда начинает улавливать внутренние связи между различными фактами, т. е. когда происходит истинное понимание, проникновение в суть вещей и явлений. При обучении чтению также должна быть установлена связь между последовательностью звуков и последовательностью знаков, однако здесь не возникает никакой духовной связи. Поэтому ребенку приходится при этом задействовать свой разум, но разум в данном случае может действовать лишь как чисто внешняя функция, что проявляется в связывании и составлении звуков и знаков без участия его духовной сущности. И вот такая бездуховная интеллектуальность месяцами, а возможно, и годами, воздействует на детский мозг. Это своего рода натаскивание, эффект которого сказывается на детях вплоть до телесного уровня, а из него - в качестве возникающей на почве бессознательного привычки - позже оказывает влияние на мышление.

Вряд ли найдется что-то более разрушительное для развития человеческого духа, чем такая исходящая от бессознательного детерминация. Она становится столь ощутимой, что человек, воспринимая мир, будет чувствовать склонность комбинировать факты, не имея, однако, при этом желания с достаточной интенсивностью улавливать духовные взаимосвязи, стоящие за ними. Это неизбежно приведет его к довольно бездуховному, нацеленному на материальные факты мировосприятию"*.

* Ernst-Michael Kranich "Die Notwendigkeiten und Problematik der Vorschuldidaktik" Im Sonderheft der "Erziehungskunst", Mai/ Juni 1969, Verlag Freies Geistesleben, Stuttgart.

Насколько же свободно ребенок может развиваться при таких предпосылках? Интеллектуальные способности становятся свободными в собственном смысле лишь после того, как завершено построение тела.

Преждевременное введение в понятийный мир коренным образом нарушает детскую способность к связанному с воображением переживанию. Когда малыш с любопытством спрашивает, почему цветок синий, может ли птица долететь до Солнца, почему снег такой холодный, то рационально отвечать на эти вопросы просто смешно. А почему? Да потому, что ребенок спрашивает о сущности и с этой сущностью может жить.

Он может сделаться маленьким и спрятаться в тени вместе с синим цветком, летать вместе с птицами так же далеко, как и они. Ребенок спрашивает о явлениях тварного мира, о своей общности с ним, которая пульсирует в его душе.

Но ребенок интересуется и техникой. Сцена в автомобиле: "Что ты делаешь?" - "Даю газ". - "А сейчас?" - "Переключаю скорости" и т.д. Для нас это само собой разумеющиеся ответы, которые иначе и не сформулировать, и все же - о чем они говорят ребенку? Может ли ребенок "понять", что значит ехать медленно или быстро, если сам сидит в автомобиле, так что ему не надо ни мчаться, ни тащиться, чтобы менялась его собственная скорость? Ребенок не живет техникой так, как может жить природой; здесь он разрывается между

восхищением и страхом. Часто верх берет восхищение, но оно быстро проходит, и ребенок говорит: "Теперь ты даешь газ" и даже. "Можно мне выжать ручной тормоз?"

Естественно, ребенок стремится подражать и делает это при всяком удобном случае, в том числе и в этой области. В сущности же техника отпугивает его, поскольку втискивает его в логические, в причинные связи. Может ли техника вообще быть адекватной детской душе? Не покоится ли она на чисто рациональной рефлексии относительно природы и выводах физической науки взрослых? Детям нравится носиться с "бешеной" скоростью на "ходунках"; они то и дело подпрыгивают от восхищения на сиденье автомобиля при скорости 140 км/час: чем быстрее, тем лучше. При этом их, однако, покидает душевно-духовное начало, поскольку ощущает себя несвободным, стесненным. Так начинается их первое маленькое бегство из мира. А позже приходит черед и большому, вред от которого уже невосполним: ЛСД, гашиш, марихуана. Отношения между этими формами проявления замкнутости, самоизоляции не следует понимать слишком узко. Есть и другие, неизмеримо более негативные формы опыта, которому предаются молодые люди, гонимые подобными желаниями, однако налицо родство причин, вызывающих их все.

Чего родители не дали ребенку для развития его формообразующих способностей, то позже проявляется как изъян в его воле к деятельности; то, что не возбуждает его фантазии, но сковывает ее, не удовлетворяет его стремлению играть, но подавляет его душевно-духовное начало - все это налагает печать на его психику и телесность. Когда это проявляется в форме болезни, душевная отзывчивость уже, как правило, оказывается утрачена. "Слишком рано прививая ребенку сознательность, стимулируя его внимание, способность стоять, говорить, думать, родители отнимают у него драгоценные силы, необходимые для его физического роста. Ребенок становится сначала бледным, нервным и теряет аппетит. Позже, в школе, он быстро утомляется и с трудом концентрирует внимание. Половая зрелость наступает у него преждевременно, а спустя несколько лет он превращается в молодого человека, внутренне неудовлетворенного, негармоничного. Он равнодушно выходит из школы и вступает в жизнь с ограниченными душевными способностями. В более поздние годы жизни, и это можно предсказать с уверенностью уже сегодня, такие молодые люди падают жертвами атеросклероза. Причины некоторых случаев юношеских психических расстройств коренятся именно в этом преждевременном развитии способностей"*.

* О болезни как душевном симптоме здесь можно только упомянуть, равно как и о болезни как следствии неправильного выбора продуктов питания. Для более основательного знакомства с этим вопросом см.: Zur Linden. Geburt und Kindheit. Fr. a. M. [o.j.] Вышеприведенная цитата взята из этой книги.

В сравнении с недавним прошлым, отстоящим от нас, может быть, всего на шесть или семь десятилетий, ребенок с его нежной телесной конституцией сегодня подвергается воздействию прямо-таки адского шума автомобилей, трамваев, гула самолетов, преодолевающих звуковой барьер. Даже нам, взрослым, когда нам случается быть на природе, ночная тишина кажется почти жуткой - так мы привыкли к грохоту вокруг нас. А когда грохот становится невыносимым, мы пытаемся от него как-нибудь отгородиться. Маленький же ребенок остается беспомощной жертвой источников шума.

Наш способ "расслабляться" для ребенка порой оказывается поистине невыносим. Бывает, отец приходит с работы совершенно измотанный и тут же включает радио, а то и мать, тянущая лямку домашней работы обращается к музыкальной поддержке. А уж в конце недели взрослые наконец позволяют себе настоящий комфорт, к которому относятся радио, кино и прежде всего телевизор. Посмотрим сначала, как обстоит дело с радио: "Победное вторжение радио в частную жизнь несет с собой величайшую опасность для человека и его духовного развития..."

Человеческая физиология такова, что с каждым чувственным восприятием связаны процессы разрушения в соответствующих нервах. Любое звуковое восприятие, доступное нашему слуху, вызывает определенные разрушительные процессы в слуховых нервах и соответствующих им мозговых центрах... Трудно переоценить значение того факта, что

многие бессознательно и полусознательно воспринятые чувственные впечатления делают нас физически возбудимыми, а в психическом отношении ослабляют нашу способность к концентрации. Это относится и ко всем невольно воспринимаемым звуковым воздействиям, исходящим от громкоговорителей, будь то речь или музыка, которые воспринимаются нами лишь наполовину. Это неверно, что они без всяких последствий входят в одно ухо, а выходят через другое... Дело осложняется еще тем, что ухо и мозг полностью во власти громкоговорителя, поскольку у слуха нет никакого отключающего приспособления в противоположность глазам, которые можно закрыть или отвернуться... Вблизи новорожденного, а тем более в его спальне ни в коем случае не должно быть никакого радиоаппарата. Нервной системе ребенка, а тем самым и его организму, непрерывные звуковые раздражения наносят невосполнимый ущерб. Все, с чем имеет дело формирующийся организм, должно быть одухотворенным. Для маленького ребенка всякая песня, спетая самой матерью, даже самая скромная домашняя музыка благодаря возникновению при этом душевных человеческих отношений и светлой, радостной атмосферы, гораздо полезнее, чем тщательно подобранная радиопрограмма, воспринять которую душой малыш не в состоянии.

Опытные учителя по степени рассеянности, способности к обучению или нежеланию учиться и по нервозности своих учеников могут сказать, сколько часов в день в родительском доме звучит радио - или оно включено с утра до вечера. Но основании сказанного уже не вызовет удивления тот печальный факт, что ребенок, постепенно привыкая к постоянным звуковым раздражениям, начинает ощущать как механический звук аппарата и голос учителя или другого воспитателя, который можно "пропустить мимо ушей" или "приглушить", если ему больше не хочется слушать. Бесчисленные педагогические проблемы коренятся именно здесь"*.

* "Soziale Hygiene" (Nr.2). Merkblaeter zur Gesundheitspflege im persoelichen und sozialen Leben, Unterlengenhardt.

Кино представляет собой предварительную ступень телевидения. Странно, но люди полагают - то ли от отсутствия критической способности, то ли от косности, - что можно восполнить усталость от интеллектуальных перегрузок, расслабляясь перед телевизором. Но ведь интеллектуальные перегрузки состоят не только в том, что человек решает, например, особые философские, арифметические или кибернетические задачи, но, скорее, в некотором избытке впечатлений, апеллирующих к рассудку, но неспособных при этом переживаться душевно или реализовываться во внешних действиях.

Чтобы снять с себя это постоянное напряжение, человек садится смотреть, например, фильм, т.е. иллюзию. "Ненормальность пассивного восприятия кино заключается в патологическом компоненте, поступающем через зрение в психику. Наблюдатель событий, разворачивающихся в фильме, пассивно предоставлен "впечатлениям", и его глаза в это время неспособны к активному "восприятию"... Кинолента с фотографическими снимками - кадрами - посредством мальтийского механизма или грейфера скачкообразно протягивается перед кадровым окном проектора. Каждый кадр интенсивным светом проецируется на киноэкран. В момент протяжки ленты обтюратор перекрывает свет и при каждой новой смене кадра пропускает его вновь. Все это происходит с бешеной скоростью - 24 кадра в секунду, т.е. за 100 минут сменяется почти 150000 кадров. Человеческий глаз подвергается как бы пулеметному огню неподвижных, стационарных световых картинок. Посредством этого насильственного механизма создается иллюзия движущихся предметов или фигур, поскольку здесь имеет место инерция отдельных световых восприятий. Световое давление вынуждает глаз (наноса ему своего рода рану) удерживать навязанный ему свет и в промежутках между световыми выстрелами. Практически наш глаз половину времени во время просмотра фильма смотрит в совершенную темноту, ослепленный и ничего не воспринимающий, и не осознает своей печальной пассивности... В связи с тем, что зрительный акт становится пассивным, а поток впечатлений возрастает, человеческая психика как бы подвергается испытанию на разрыв. Это состояние, которое может перейти в поначалу едва заметный,

однако тем более опасный процесс расщепления. Хотя факт этих воздействий еще невозможно доказать опытным путем, все же несомненно, что именно благодаря ему человеческой психике наносится энергетический ущерб...

Масса механически произведенных образов и навязанных через них представлений запечатлевается глубоко в области подсознания, и человек даже не подозревает, что тем самым становится беззащитным. Человеческая личность, способная творчески проявляться лишь в сфере внутренней свободы, тем самым слабеет, хиреет, а это, в свою очередь, лишает способности руководить инстинктами и склонностями низшей природы. Этот процесс можно наблюдать особенно у подростков, беззащитных перед столь технизированным способом передачи киносюжета.

Подростков, а уж тем более детей, необходимо надежно охранять от этого, поскольку, подпав под обаяние киноили телевизионных образов, они с их еще подвижными жизненными и душевными силами претерпевают гораздо более глубокий ущерб, нежели уже закалившиеся взрослые, которые обычно не столь беззащитны. Именно подростки подвержены опасности того, что их индивидуальность будет вытеснена и захиреет, а ее место займет управляемое из подсознания, чуждое воображение"*.

* "Soziale Hygiene" (Nr.5). Merkblätter zur Gesundheitspflege im persönlichen und sozialen Leben, Unterlengenhardt.

Для малышей наиболее опасен, поскольку более распространен в наших цивилизованных странах, телевизор. В какой степени это открытие нашего века в конечном счете закрепощает человека вплоть до самых его глубин, еще не достаточно осмыслено. Множатся предостережения со стороны врачей и ученых, основанные на наблюдениях и исследованиях: "Со стороны врачей все вновь доносятся настойчивые предостережения - не позволять детям слишком часто и тем более регулярно смотреть телевизор. Это особенно относится к детям младшего возраста. На одном немецком профессиональном съезде "Дети и юношество перед экраном телевизора" психолог д-р М. Краузе-Абласс охарактеризовала телевизор как наименее пригодный для маленького ребенка способ смотреть на мир, ибо его возможности восприятия заключаются в физическом схватывании, улавливании и постоянном повторении игр и рассказов. Для таких предостережений имеются и другие основания. Выяснено, что просмотр телепередач наносит вред зрению: дети, которые часто сидят перед телевизором, склонны к близорукости. В США у таких детей из-за недостатка в здоровом движении зафиксированы такие нарушения, как деформация скелета и атрофия мускулатуры. Но нарушения и патологии выявляются и в нервной системе, и прежде всего в душевной жизни детей. Сообщается, что дети, которые смотрят телевизор, постепенно теряют способность к инициативным действиям, слабеет их стремление к творчеству, что проявляется в прогрессирующей неспособности самостоятельно играть и использовать в играх фантазию. Детей охватывает несвойственная их природе пассивность, доходящая до нежелания брать на себя ответственность за что бы то ни было. У других детей, напротив, наблюдается нарушение моторики, выражающееся в вертлявости и в распушенности. Они стремятся подражать телевизионным образам с их бешеной скоростью. Одним мальчиком, например, овладела привычка быстро махать перед собой руками, причем его пальцы застывали в судороге.

Другой оказался не в состоянии спокойно сидеть в школе - им овладело навязчивое состояние, в котором он непрерывно и с большой скоростью болтал ногами. Один немецкий мальчик, до того времени вполне здоровый и разумно воспитанный, сидел как-то у своего друга перед телевизором впервые в жизни, после чего его вырвало, и он в течение нескольких недель говорил только о бомбах и развалинах. Прежде не ведавший страха, теперь он начал бояться темноты... Как показывают наблюдения над детьми, каждое переживание чувственной сферы непосредственно переходит в жесты и физические движения. Это данное природой единство при неподвижном сидении перед телевизором насильственно и преждевременно разрывается. У ребенка ведь еще нет (в

отличие от взрослого) "никакой собственной, автономной психической сферы, в которую он мог бы принимать эти раздробленные образы. Он еще не умеет их усваивать"... "Педагогическое безумие - пускать детей до 8 и даже до 10 лет к телевизору!" Какой воспитатель, вполне осознающий свою ответственность, может не услышать этот предостерегающий голос такого эксперта, как д-р К Мюнстер, который является координатором программ немецкого телевидения и директором телепрограмм баварского радио? Его подход разделяет один опытный швейцарский специалист в области телевидения, заявляющий: "Во всяком случае, мы знаем, что детям до 10 лет лучше вовсе не смотреть телевизор, ибо они чаще всего понимают смысл предлагаемых программ столь же мало, как вы разбираетесь, например, в переключении камер при съемке или в смене кадров или проекции..." От любого телевизионного аппарата, особенно старых конструкций, кроме того, исходят опасные радиоактивные излучения, о чем широкой публике, как правило, неизвестно. Этот факт, однако, необходимо постоянно и очень настойчиво демонстрировать людям с помощью счетчика Гейгера, который трещит тем сильнее, чем ближе испытатель подходит к экрану. Измерения на месте зрителя показывают излучение в 0,05 рентген в неделю, как сообщает телевизионный критик Матиас Биль в своей книге "Мир показывает лицо". Тем самым, однако, человек уже получает дозу, которую известный шведский радиолог проф. Сиверт, призывая к осторожности, предложил в 1956 г. принять за новую контрольно допустимую недельную дозу в противоположность официально установленной в 1958 г. допустимой дозе, составляющей 0,1 рентген в неделю. Такая неустойчивость в оценке вредности радиоактивных излучений связана с тем фактом, что доза, принятая компетентными комиссиями исследователей излучений и наследственности в 1925 г. еще в размере 1,4 рентген в неделю, с тех пор постоянно понижалась... Если уже к излучениям столь восприимчивы подростки, то тем более необходимо позаботиться о том, чтобы малыши были как можно дальше от области излучения телеприемников. В этом убеждают и многочисленные опыты, которые по понятным причинам лишь изредка попадают в поле зрения общественности. Они показывают, что мелкие животные - мыши, аквариумные рыбки и маленькие птички, которых содержат вблизи от телевизионных аппаратов, быстро погибают. Эти по большей части случайные наблюдения между тем подтверждены и объяснены в ходе научных экспериментов. Тем самым наше внимание обращается к другому, весьма нежелательному и в высшей степени проблематичному побочному явлению, сопровождающему прием телепередач. В каждом аппарате, имеющем частоту строк более чем 15600 Гц/сек, возникает разрушительный для жизни, высокий постоянный звук, граничащий с областью самых низких ультразвуков. Он буквально действует вышеупомянутым животным на нервы, как бы разрывая их на части. Взрослый человек, как правило, не воспринимает этот звук сознательно, тогда как многие дети слышат его - высокий, свистящий звук**.

* "Soziale Hygiene" (Nr.4). Merkblaeter zur Gesundheitspflege im persoelichen und sozialen Leben, Unterlengenhardt.

Многие невоспринимаемые впечатления (часто явно сомнительного качества), которые обрушиваются на ребенка, вытесняют его из нормальной жизни в мир страха и тьмы. Ибо там, где чувство защищенности уничтожается чем-то чуждым ему по сущности, где на место жизненно необходимой ребенку веселости и подвижности приходит судорожная прикованность к месту, не остается пространства для свободного развития. В наше время приходится через страдания познавать, что человек получает и должен получать свою духовно-душевную пищу из божественного источника, иначе он становится нежизнеспособным.

Интеллектуальные задатки людей настолько специализируются, что человеческому началу вследствие голого функционирования, с одной стороны, и неконтролируемого подсознания - с другой, грозит угасание. Самой сущности человека угрожает распад: она либо окаменеет, либо испарится. Марта Хаймеран попыталась показать здоровые пути, по которым ребенка можно вести в жизнь, принимая при этом во внимание его собственный

религиозный мир, уважая его и поддерживая. На этом пути можно избежать как закрепощения личности, так и бегства от мира. То, что способствует собранности, гармоничному духовно-душевному равновесию человека, есть сила Христа.

Такое христианское приобщение ребенка к земной жизни через родительский дом, а позже и педагогика, стремящаяся охватить общечеловеческие ценности (как это практикуется в вальдорфской школе), закладывает основы для развития свободной христианской личности.

И. Т.